

Мичман Изи

Автор:

Фредерик Марриет

Мичман Изи

Фредерик Марриет

«Мистер Никодемус Изи был джентльмен, проживавший в Гэмпшире; он был женатый человек и обладал большим состоянием. В большинстве случаев супружеская чета легко обзаводится детьми, но частенько затрудняется их прокормлением. Мистер Изи этим не затруднялся, так как детей у него не было; но ему страстно хотелось иметь ребенка: ведь мы всегда мечтаем о том, что нам недоступно. Прождав десять лет, мистер Изи потерял всякую надежду. Говорят, философия может утешить огорченного человека, хотя Шекспир утверждает, что нет утешения против зубной боли. Как бы то ни было, мистер Изи занялся философией. Внимание его устремилось главным образом к вопросам о правах человека, о равенстве, о несправедливом распределении блага на земле и т. п. Однако никто не хотел слушать его философию. Женщины не желали признавать прав за мужчинами, утверждая, что они никогда не бывают правыми; мужчины же, посещавшие мистера Изи, были все богатые собственники, отнюдь не желавшие делиться с неимущими. Как бы то ни было, они предоставляли ему заниматься этими вопросами, а сами занимались его портвейном. Его философию они находили плохой, но вино очень хорошим, а ведь вещи надо принимать такими, как их находишь...»

Фредерик Марриет

Мичман Изи

Глава I

которую читателю будет очень легко прочесть

Мистер Никодемус Изи был джентльмен, проживавший в Гэмпшире; он был женатый человек и обладал большим состоянием. В большинстве случаев супружеская чета легко обзаводится детьми, но частенько затрудняется их прокормлением. Мистер Изи этим не затруднялся, так как детей у него не было; но ему страстно хотелось иметь ребенка: ведь мы всегда мечтаем о том, что нам недоступно. Прождав десять лет, мистер Изи потерял всякую надежду. Говорят, философия может утешить огорченного человека, хотя Шекспир утверждает, что нет утешения против зубной боли. Как бы то ни было, мистер Изи занялся философией. Внимание его устремилось главным образом к вопросам о правах человека, о равенстве, о несправедливом распределении блага на земле и т. п. Однако никто не хотел слушать его философию. Женщины не желали признавать прав за мужчинами, утверждая, что они никогда не бывают правыми; мужчины же, посещавшие мистера Изи, были все богатые собственники, отнюдь не желавшие делиться с неимущими. Как бы то ни было, они предоставляли ему заниматься этими вопросами, а сами занимались его портвейном. Его философию они находили плохой, но вино очень хорошим, а ведь вещи надо принимать такими, как их находишь.

Впрочем, мистер Изи как будто и не подозревал, что его исследования должны тем или другим путем проводиться в жизнь; он ограничивался разглагольствованиями о социальном неравенстве и благодушно пользовался своим состоянием.

Пока мистер Изи толковал о философии, мистрисс Изи терпеливо слушала, и они представляли весьма счастливую супружескую чету, занимаясь каждым своим делом и не мешая друг другу. Мистер Изи знал, что жена не понимает его, и потому не огорчался, что она слушает его не слишком внимательно; а мистрисс Изи не заботилась о том, что говорит ее муж, лишь бы он не заставлял ее подавать реплики. Взаимная уступчивость всегда способствует семейному счастью.

Была и другая причина, способствовавшая их согласию. В спорных вопросах мистер Изи неизменно давал преимущество своей супруге, говоря, что она поступит, как ей угодно – и это нравилось его супруге; но когда доходило до дела, мистер Изи всегда поступал по-своему, – и это нравилось ему. Правда, мистрисс Изи давно уже убедилась, что ей не приходится поступать по-своему,

но она была очень покладистого нрава, и так как в девяти случаях из десяти было совершенно безразлично, как именно сделано дело, то она довольствовалась уступками на словах. При таком благодушии супруги мистера Изи его семейное счастье, как легко себе представить, трудно было возмутить. Но, как уже давно замечено людьми, человеческие судьбы переменчивы. В конце одиннадцатого года мистрисс Изи в первый раз пожаловалась на тошноту после завтрака. У мистрисс Изи были свои подозрения; для всех остальных ее состояние не оставляло никаких сомнений; для всех – кроме мистера Изи; добряк не подозревал, что исполнение его заветных желаний так близко; он давно уже решил, что наследника ему не дождаться, и не замечал изменения фигуры своей жены. Мистрисс Изи тоже была еще не совсем уверена – боялась, что это недоразумение, какое-нибудь случайное недомогание, и потому ничего не говорила супругу. Наконец, однако, и у мистера Изи открылись глаза; когда, же, обратившись к жене с расспросами, он узнал поразительную новость, они открылись еще больше, и он щелкнул пальцами, и от восторга пустился в пляс с грацией философа или медведя на горячей плите.

Мистрисс Изи не щелкала пальцами и не пускалась в пляс, ей было совсем не до того, когда начались боли; но мистер Изи презирал боль, как все философы, когда терпеть ее приходится не им, а другим.

В надлежащее время мистрисс Изи подарила своему супругу мальчика, которого мы рекомендуем читателям как героя этой книги.

Глава II

в которой мистрисс Изи по обыкновению поступает как ей угодно

На четвертый день после разрешения от бремени мистрисс Изи, мистер Изи, сидевший в покойном кресле подле ее постели, начал так:

– Я думаю, моя дорогая мистрисс Изи, какое имя дать ребенку.

– Имя, мистер Изи! Да то самое, которое вы носите, какое же еще?

– Нет, душа моя, – возразил мистер Изи, – хотя и говорят, что все имена хороши, но мое мне не кажется хорошим. Это худшее имя в календаре.

– Чем же оно не подходит, мистер Изи?

– Не подходит ни мне, ни ребенку. Никодемус чересчур длинное для того, чтобы писать его полностью, а Ник – вульгарное. Кроме того, раз будут два Ника, то мальчугана, естественно, будут звать молодым Ником, а я, разумеется, окажусь старым Ником, что уже пахнет чертовщиной[1 - Old Nick по-английски кличка дьявола].

– В таком случае, мистер Изи, предоставьте мне выбрать имя.

– Конечно душа моя, для того-то я и заговорил об этом предмете так рано.

– Я думаю, мистер Изи, назвать мальчика именем моего бедного отца – пусть он зовется Роберт.

– Очень хорошо, душа моя, если вы хотите, пусть он будет Роберт. Вы поступите, как вам угодно. Но надеюсь, душа моя, что, подумав немного, вы согласитесь что против этого можно сделать существенное возражение.

– Возражение, мистер Изи?

– Да, душа моя; Роберт, быть может, очень хорошее имя, но вы должны подумать о последствиях; его, наверное, будут называть Боб.

– Так что же, и пусть называют Боб.

– Я этого и в мыслях допустить не могу, душа моя. Вы забываете, что в той местности, где мы живем, всюду пасутся стада овец.

– Но, мистер Изи, какое отношение имеет овца к христианскому имени?

– Очень существенное – женщины никогда не думают о последствиях. Душа моя, у овец большое касательство к имени Боб. Спросите любого фермера, он вам скажет, что из сотни собак овчарок девяносто девять имеют кличку Боб. Теперь

заметьте: пойдет наш ребенок гулять в поле; вы вздумаете позвать его. Кто же явится на ваш зов вместо вашего ребенка? Дюжина псов, которые сбегутся на кличку Боб, махая своими обрубленными хвостами. Как видите, мистрисс Изи, из этой дилеммы не выберешься. Вы поставите вашего сына на один уровень с грубыми животными, дав ему христианское имя, которое, ввиду его краткости, монополизировано местными собаками. Всякое другое имя, какое только вам вздумается, дорогая моя; но в этом единственном случае позвольте мне наложить мое вето.

– Хорошо, посмотрим, но я придумаю потом, мистер Изи; у меня голова болит.

– Я придумаю за вас, дорогая моя. Что вы скажете насчет имени Джон?

– О нет, мистер Изи, это такое обыкновенное имя.

– Доказательство его популярности, душа моя. Оно библейское – его носили один из апостолов и Креститель – было также с дюжину пап этого имени. Оно королевское – множество королей были Джонами, а кроме того, оно коротенькое и звучит честно и мужественно.

– Да, это правда, но ведь тогда мальчика будут называть Джек.

– Ну, что ж, многие знаменитости были Джеками. Был – позвольте – Джек убийца Великанов и Джек – да, Джек Кэд, великий Бунтовщик, и Трехпалый Джек, мистрисс Изи, знаменитый негр, и наконец, сударыня, Джек Фальстаф – честный Джек Фальстаф, остроумный Джек Фальстаф.

– Вы говорили, мистер Изи, что позвольте мне выбрать имя самой.

– Но, разумеется, душа моя, я предоставляю выбор вам. Решайте, как вам угодно, но согласитесь, что Джон самое подходящее имя. Не правда ли, душа моя?

– Это ваша всегдашняя манера, мистер Изи: вы говорите будто предоставляете решать мне, но мне никогда не приходится решать. Я уверена, что ребенок будет крещен Джоном.

– Он будет окрещен, как вам заблагорассудится. Теперь я припоминаю, что несколько греческих императоров назывались Джонами; но решайте сами, душа моя.

– Нет, нет, – возразила мистрисс Изи, которая чувствовала себя нехорошо и не могла продолжать спор – я предоставляю это вам, мистер Изи. Я знаю, будет то, что всегда бывает – вы предоставляете мне решение, как дают золотую монету маленьким детям: будто бы в их полную собственность, но с тем, чтобы они не смели ее тратить. Пусть он зовется Джоном.

– Ну, вот, душа моя, не говорил ли я вам, что вы согласитесь со мною, если подумаете? Я знал, что вы согласитесь. Я предоставил вам решение, и вы говорите, что его нужно назвать Джоном: значит, мы одинакового мнения, и этот пункт можно считать улаженным.

– Я попробую заснуть, мистер Изи – я нехорошо себя чувствую.

– Как вам угодно, душа моя, – отвечал супруг, – вы можете во всем поступать по собственному усмотрению. Для меня величайшее удовольствие исполнять ваши желания. Я пройду по саду. Покойной ночи, душа моя.

Мистрисс Изи не отвечала, и философ вышел из комнаты. Как легко можно себе представить, на следующий день мальчик был окрещен Джоном.

Глава III

в которой нашему герою приходится дожидаться конца дебатов

Трудно придать интерес главе о детстве. Первое время развития у всех детей проходит одинаково. Мы не можем поэтому много сообщить о самых ранних днях Джека: он сосал грудь и отрыгал молоко, за что кормилица называла его голубчиком, а там опять сосал. По утрам он орал как петух, пищал, когда его мыли, таращил глаза на свечку и строил гримасы ветру. Шесть месяцев прошли в этих невинных развлечениях, а затем на него надели штанишки. Но я должен заметить, что мистрисс Изи не могла сама кормить младенца, так что пришлось

заменить ее кормилицей.

Ординарный человек удовольствовался бы рекомендацией врача, который заботится об одном: чтобы для младенца был достаточный запас здоровой пищи. Но мистер Изи был философ, он занимался в последнее время краниологией и завел с доктором ученый разговор по поводу того, что его единственный сын будет получать питание из неизвестного источника.

– Кто знает, – заметил мистер Изи, – не всосет ли мой сын вместе с молоком худшие страсти человеческой природы.

– Я исследовал ее, – возразил доктор, – и могу смело рекомендовать.

– Это исследование было только предварительным, за которым должно последовать более важное, – отвечал мистер Изи. – Я сам исследую ее.

– Кого вы исследуете, мистер Изи? – воскликнула его жена, лежавшая в постели.

– Кормилицу, душа моя.

– Что вы исследуете, мистер Изи? – продолжала супруга.

– Ее голову, душа моя, – отвечал супруг. – Я должен определить, каковы ее наклонности.

– Я думаю, что вам лучше оставить ее в покое, мистер Изи. Она придет сегодня вечером, и я допрошу ее построже. Д-р Миддлтон, что вам известно об этой молодой особе?

– Мне известно, мадам, что она сильна и здорова, иначе бы я не выбрал ее.

– Но хороший ли у нее характер?

– Ну, о ее характере я ничего не могу сказать, мадам, но вы можете, если угодно, навести справки. Я должен заметить, однако, что если вы будете чересчур требовательны в этом отношении, то вам, пожалуй, трудновато будет найти желаемое.

– Ну, я посмотрю, – возразила мистрисс Изи.

– А я ощупаю, – подхватил ее супруг.

Это собеседование было прервано появлением той самой особы о которой шла речь. Горничная доложила о ее приходе, а затем ввела ее в гостиную. Это была красивая, цветущая, здоровая с виду девушка, неловкая и наивная в обращении и, по-видимому, не чересчур умная: в выражении ее лица голубинового было больше, чем змеинового.

Мистер Изи, которому не терпелось приступить к исследованию, заговорил первый:

– Молодая женщина, подойдите сюда, я исследую вашу голову.

– О, сэр! Она совершенно чистая, уверяю вас! – воскликнула девушка, делая книксен.

Доктор Миддлтон, сидевший между постелью и креслом мистера Изи, потер руки и засмеялся.

Тем временем мистер Изи развязал тесемки и снял чепчик с девушки, а затем запустил пальцы в ее волосы, причем лицо ее выразило страх и изумление.

– Я с удовольствием замечая, что вы обладаете значительной дозой благодушия.

– Да, – ответила девушка, приседая.

– Также почтительности.

– Благодарствуйте, сэр.

– Орган скромности тоже сильно развит.

– Да, сэр, – отозвалась девушка с улыбкой.

«Совершенно новый орган», – подумал д-р Миддлтон.

– Фило-прогенитивность весьма сильна.

– С вашего позволения, сэр, я не понимаю, что это значит, – отвечала Сара, приседая.

– Тем не менее вы доставили практическое подтверждение. Мистрисс Изи, я доволен. Желаете вы предложить ей какие-нибудь вопросы? Хотя в этом нет необходимости.

– Разумеется, желаю, мистер Изи. Скажите, милая, как вас зовут?

– Сара, с вашего позволения, сударыня.

– Давно ли вы замужем?

– Замужем, сударыня?

– Ну да, замужем.

– С вашего позволения, сударыня, я несчастная, сударыня, – отвечала девушка, опуская глаза.

– Как! Вы не замужем?

– Нет еще, сударыня.

– Праведный Боже! Доктор Миддлтон, как могли вы прислать сюда эту особу? – воскликнула мистрисс Изи. – Незамужняя женщина и уже имела ребенка!

– С вашего позволения, сударыня, – перебила молодая женщина, приседая, – он был очень маленький.

– Очень маленький! – воскликнула мистрисс Изи.

– Да, сударыня, очень маленький и умер вскоре после своего рождения.

– О, доктор Миддлтон! Что же это такое, доктор Миддлтон?

– Дорогая мистрисс Изи, – сказал доктор Миддлтон, вставая, – это единственная особа, подходящая для вашего ребенка, какую я мог найти, и если вы не возьмете ее, то я не ручаюсь за его жизнь. Правда, можно разыскать замужнюю женщину, но замужние женщины, обладающие нормальными чувствами, не станут бросать собственных детей; а так как мистер Изи утверждает, а вы, по-видимому, верите, что питание, получаемое вашим ребенком, может повлиять на его характер и наклонности, то, мне кажется, они рискуют гораздо сильнее пострадать от молока замужней женщины, бросившей своего ребенка ради прибыли. Несчастье, случившееся с этой молодой женщиной, не всегда свидетельствует о дурной натуре, а часто только о сильной привязанности, о крайней доверчивости и простоте.

– Вы правы, доктор, – возразил мистер Изи, – и ее голова доказывает, что это скромная женщина, с сильным религиозным чувством, добродушным нравом и другими хорошими качествами.

– Голова может доказывать что угодно, мистер Изи, но ее поведение говорит совсем другое.

– Она вполне годится для своей роли, мадам, – выразил доктор.

– И с вашего позволения, сударыня, – прибавила Сара, – он был такой маленький.

– Передать ей ребенка, сударыня? – спросила временная кормилица, слушавшая молча. – Он так беспокоится, бедняжка, и засунул себе в рот кулачок.

Доктор Миддлтон кивнул головой и спустя несколько секунд мастер Джон Изи прильнул к Саре, точно пиявка.

– Господь с ним, какой голодный! Вот, вот, постой же минуту, а то захлебнешься, бедняжка!

Мистрисс Изи встала с постели и подошла к ребенку. Первым ее чувством была зависть, что на долю другой досталось удовольствие, от которого ей пришлось отказаться; следующим – восхищение при виде блаженного личика ребенка. Спустя несколько минут младенец спал крепким сном. Мистрисс Изи была довольна; материнское чувство одержало верх над всем остальным, и Сара формально водворилась в качестве кормилицы.

С течением времени Джек Изи начал ползать и показывать свои ноги так откровенно, что ясно было, что он не всосал скромности с молоком Сары; равным образом, он, по-видимому, не приобрел от нее ни почтительности, ни благодушия, так как хватался за все, мучил котенка до полусмерти, царапал мать и таскал за волосы отца; тем не менее, и мать, и отец, и все домашние уверяли, что это самое милое и кроткое дитя во вселенной. Но если бы мы вздумали рассказывать все удивительные приключения детства Джека с момента его рождения до семилетнего возраста, хранившиеся в памяти Сары, которая осталась его нянькой после того, как он был отнят от груди, то они заняли бы, по крайней мере, три больших тома. Джек воспитывался так, как обыкновенно воспитывается единственный ребенок, то есть делал все, что ему было угодно.

Глава IV

в которой доктор предписывает ребенку школу в качестве лекарства против пореза пальца

– Вы не думаете отдать мальчика школу? – спросил доктор Миддлтон, которого грум, прискакавший на взмыленной лошади, просил пожаловать немедленно Форест-Гилль – так называлось имение мистера Изи, где его встретили сообщением, что мистер Изи порезал себе палец. По суматохе, наполнявшей дом, можно было бы подумать, что он отрезал себе голову – мистер Изи в беспокойстве расхаживал взад и вперед, мистрисс Изи была почти в обмороке, и горничные сновали и суетились вокруг нее. Все были в волнении, исключая самого мастера Изи, который с повязанным тряпочкой пальцем и пятнами крови на передничке уплетал вишни, не обращая ни малейшего внимания на окружающую кутерьму.

– Ну-с, в чем дело, молодой человек? – спросил доктор Миддлтон, войдя в комнату и обращаясь к Джеку, как самому разумному из всей компании.

– О, доктор Миддлтон, – перебил мистер Изи, – он порезал себе руку; я уверен, что перерезал нерв, а в таком случае ему сведет челюсти...

Доктор, не отвечая, осмотрел порезанный палец, а Джек Изи продолжал возиться с вишнями правой рукой.

– Не найдется ли у вас в доме липкий пластырь, мадам? – спросил доктор после осмотра.

– О да! Сбегай Мэри, сбегай Сара!

Спустя несколько минут девушки вернулись – Сара с липким пластырем, а Мэри с ножницами.

– Будьте покойны, мадам, – сказал д-р Миддлтон, наложив пластырь, – я ручаюсь, что дурных последствий не будет.

– Не лучше ли отвести его наверх и уложить в постель? – спросила мистрисс Изи, вложив гинею в руку доктора.

– Безусловной необходимости в этом нет, сударыня, – сказал д-р Миддлтон, – но во всяком случае и вреда не будет.

– Пойдем, милый, ты слышишь, что говорит доктор Миддлтон.

– Да, я слышу, – ответил Джек, – но я не хочу.

– Милый Джонни, пойдем голубчик, пойдем родной.

Джонни уплетал вишни и не отвечал.

– Пойдемте, мастер Джонни, – сказала Сара.

– Убирайся, Сара, – ответил Джонни, дав ей тумака.

– О! Фи, мастер Джонни, – сказала Мэри.

– Джонни, радость моя, – сказала мистрисс Изи, умоляющим тоном, – пойдем, ведь ты пойдешь?

– Я пойду в сад и нарву еще вишен, – заявил мастер Джонни.

– Хорошо, пойдем, радость моя, я отведу тебя в сад.

Джонни вскочил и уцепился за руку матери.

– Что за милое, доброе, послушное дитя! – воскликнула мистрисс Изи, – его можно вести на ниточке.

«Да, рвать вишни», – подумал доктор Миддлтон.

Мистрисс Изи, Джонни, Сара и Мэри ушли в сад, оставив доктора Миддлтона с мистером Изи, который ничего не сказал в течение этой сцены. Доктор Миддлтон был толковый, разумный человек, не желавший никому навязываться. Если он взял гинею за накладку липкого пластыря, то его совесть была спокойна на этот счет. Время было ему одинаково дорого, затратил ли он его с толком или попусту; бедняков же он лечил даром. Постоянно бывая в доме, он достаточно насмотрелся на мастера Джона Изи, и пришел к убеждению, что бойкий и смелый мальчик от природы не лишен хороших задатков, но может быть только испорчен домашним воспитанием, которое сводилось к безграничному баловству со стороны как отца, так и матери. Мистер Изи не был лишен здравых идей о вреде и ненужности телесных наказаний, о правах человека и т. п., но выводил из них нелепую систему воспитания, из которого устранялся всякий элемент обязательности, а все сводилось к безграничному потаканию всем капризам и прихотям ребенка. Поэтому общественное воспитание, при всех его недостатках, казалось доктору гораздо более полезным для мальчика, чем система домашнего баловства. Итак, когда хозяйка вышла из комнаты и не могла их слышать, он уселся на стул и предложил мистеру Изи вопрос, которым начинается эта глава.

– Вы не думаете отдать мальчика в школу, мистер Изи?

Мистер Изи положил ногу на ногу, а руками обнял колено, как всегда делал, когда готовился вступить в спор, и произнес речь о недостатках школьного воспитания.

Доктор Миддлтон знал, с кем имеет дело, и терпеливо выслушал рацею.

– Я согласен, – сказал он наконец, – что во всем, что вы говорите, много справедливого; но в школе он найдет дисциплину, товарищество, которое воспитает в нем чувство общности, наконец, приобретет запас хотя бы элементарных, но точных знаний. Таким образом он будет лучше подготовлен к восприятию ваших наставлений.

– Я сам научу его всему, – возразил мистер Изи, скрестив руки на груди с решительным видом.

– Я не сомневаюсь в ваших способностях, мистер Изи; но, к несчастью, вы всегда будете встречать непреодолимое препятствие. Простите, я знаю, на что вы способны, и не сомневаюсь, что для мальчика было бы истинное счастье иметь такого наставника, но, говоря откровенно, вам так же хорошо известно, как и мне, что материнская нежность мистрисс Изи всегда будет преградой вашим намерениям. Он уже так избалован ею что не хочет ничего слушать; а раз это так, то что же вы с ним поделаете?

– Я согласен, дорогой мой, что в этом пункте представляется известное затруднение, но материнская слабость будет исправлена отцовской строгостью.

– Могу я спросить, как именно, мистер Изи? Так как мне это кажется невозможным.

– Невозможным! Клянусь небом, я заставлю его повиноваться, или, – тут мистер Изи приостановился и закончил, – или потребую у него объяснения причин его неповиновения, доктор Миддлтон.

Доктор Миддлтон подавил желание рассмеяться и возразил:

– Я не сомневаюсь, что вы придумаете какую-нибудь систему, с помощью которой заставите его признать ваш авторитет, но что же последует дальше? Мальчик будет считать мать своей защитницей, а вас тираном. Он получит отвращение к вам и в силу этого отвращения будет относиться невнимательно и непочтительно к вашим наставлениям даже в тех случаях, когда они окажутся доступными его пониманию. Между тем, мне кажется, что это затруднение может быть обойдено. Я знаю одну весьма почтенную особу, пастора, имеющего школу, в которой розга не применяется; я напишу ему и расспрошу подробно; и тогда, если ваш мальчик будет избавлен от опасности, которой грозит ему чрезмерная снисходительность мистрисс Изи, он в несколько лет приготовится к восприятию ваших более важных поучений.

– Пожалуй, – сказал мистер Изи после некоторого молчания, – ваши слова заслуживают внимания. Я согласен, что вследствие нелепой снисходительности мистрисс Изи мальчик отбился от рук и не захочет меня слушаться в настоящее время; и если ваш друг не применяет розги, то я серьезно подумаю, не поместить ли в школу моего сына Джона в видах получения элементарного образования.

Доктор Миддлтон добился своего, польстив философу. Через день он явился с письмом от педагога, в котором применение розги с негодованием отвергалось, и мистер Изи за чайным столом объявил супруге о своих намерениях в отношении сына Джона.

– В школу, мистер Изи? Как, отправить Джонни в школу? Такого ребенка в школу?

– Конечно, душа моя, вы должны согласиться, что в девять лет пора уже учиться грамоте.

– Но он уже почти умеет читать, мистер Изи; конечно, я сама могу его научить. Не правда ли, Сара?

– Истинная правда, сударыня; он еще вчера говорил буквы.

– О, мистер Изи, кто это надоумил вас? Джонни, голубчик, поди сюда – скажи мне, что такое буква А. Ты распевал ее в саду сегодня утром.

– Я хочу сахару, – возразил Джонни, протягивая руку через стол к сахарнице, которой не мог достать.

– Хорошо, радость моя, я тебе дам большой кусок, если ты скажешь мне, что такое буква А.

– А – это ангел, у него есть крылышки, – сердито отвечал Джонни.

– Вот, мистер Изи; и он может сказать всю азбуку, правда, Сара?

– Может, может, голубчик – правда, можешь, Джонни?

– Нет, – возразил Джонни.

– Да, милый, конечно, можешь; ты ведь знаешь, что такое буква Б? Правда, знаешь?

– Да, – отвечал Джонни.

– Вот, мистер Изи, вы сами видите, сколько он знает, и какой он послушный мальчик. Ну, Джонни, голубчик, скажи же, что такое буква Б.

– Не хочу, – возразил Джонни. – Я хочу сахару, – с этими словами Джонни, взобравшийся на стул, потянулся к сахарнице через стол.

– Боже мой! Сара, стащите его со стола, а то он опрокинет кипяток!

Сара схватила Джонни за ноги, но он перевернулся на спину и дал ей пинка в физиономию, когда она делала отчаянные усилия стащить его. Обратный толчок от этого пинка заставил его проехать по гладкой поверхности стола и толкнуть головой чайник с кипятком, который опрокинулся в противоположную сторону, и, несмотря на быстрое движение мистера Изи, порядком ошпарил ему ноги, что заставило его вскочить с совсем не философским ругательством. Тем временем Сара и мистрисс Изи схватили Джонни и тянули его в разные стороны, причитая и охая. Боль от ожогов и равнодушие, проявляемое к особе мистера Изи, вывели последнего из себя. Он выхватил Джонни из рук женщин и, позабыв о правах человека, принялся угощать его шлепками без всякого милосердия.

Сара вступилась было за своего питомца, но получила такого тумака, что не только искры посыпались из ее глаз, но и сама она растянулась на полу. Мистрисс Изи ударилась в истерику, Джонни ревел неистово, так что за четверть мили было слышно.

Не знаю, сколько времени продолжал бы мистер Изи внедрять философию в мальчика, но внезапно дверь отворилась, и мистер Изи, все еще не выпускавший из рук Джонни, увидел доктора Миддлтона, остановившегося в немом изумлении. Он обещал прийти к чаю и поддержать, если нужно, аргументацию мистера Изи; но очевидно ему показалось, что в аргументации, к которой прибегал в эту минуту мистер Изи, его помощи не требуется. Как бы то ни было, при появлении доктора Миддлтона, Джонни был выпущен и с ревом покатился на пол, Сара оставалась там, где растянулась, мистрисс Изи билась на полу в истерике, чайник тоже валялся на полу, один лишь мистер Изи не только стоял, но и подпрыгивал от боли.

Никогда еще появление врача не было так своевременно. Сначала мистер Изи не находил этого, но его ошпаренные ноги так болели, что он скоро переменял мнение.

Прежде всего доктор Миддлтон подобрал мистрисс Изи и уложил ее на диване. Сара поднялась на ноги и увела из комнаты ревущего и лежащего мастера Джона Изи, за что и получила с его стороны несколько здоровых щипков и укусов. Лакей, которого позвал доктор, подобрал чайник, так как больше ему нечего было делать. Мистер Изи, охая от боли, растянулся на диване, и доктор Миддлтон находился в большом затруднении, что ему предпринять. Он заметил, что мистер Изи нуждается в его помощи, тогда как мистрисс Изи может свободно обойтись без нее; но как оставить даму в истерике, наполовину серьезной, наполовину притворной? Наконец, доктор Миддлтон приказал лакею позвать всех горничных, которые и отвели мистрисс Изи наверх, после чего он мог подать помощь единственному пациенту, нуждавшемуся в ней. Пока доктор стаскивал чулки с ошпаренных ног мистера Изи, последний рассказал ему о том, что произошло, в коротких словах, прерываемых оханьем от боли. Лекарства доктора Миддлтона быстро облегчили телесные страдания мистера Изи; но сильнее обваренных ног его угнетала мысль, что доктор оказался свидетелем его вспышки и не философской аргументации над мягкими частями мастера Джона Изи. Доктор постарался пролить бальзам исцеления на эту рану.

– Дорогой мой мистер Изи, мне весьма жаль, что с вами случилась такая неприятность, но вы обязаны ею безрассудной снисходительности мистрисс Изи к ребенку. Меня, однако, радует, что вы так серьезно относитесь к родительским обязанностям, и пытаетесь, как сами говорили мне, исправить материнскую слабость отцовской строгостью. (Доктор произнес эту похвалу тоном глубокой серьезности, хотя не без труда удержался от улыбки). Но видите ли, дорогой мой, избыток слабости и баловства с одной стороны неизбежно влечет за собой усиленные меры исправления с другой, имеющие характер вспышки, и справедливого, положим, но все же раздражения. Между тем, в школе мальчик найдет дисциплину, равную для всех, и исключаящую возможность как баловства, так и расправы по мотивам личного раздражения. Во всяком случае, мне приятно видеть, что вы принимаете серьезные меры к устранению вредных последствий чрезмерной снисходительности матери.

– Да, конечно, я не могу допустить порчи ребенка, – отвечал мистер Изи, довольный тем, что доктор помогает ему выпутаться из затруднения. – Но завтра он отправится в школу, я твердо решил это.

– Он будет обязан этим мистрисс Изи, – ответил доктор.

– Именно, – подтвердил мистер Изи. – Доктор, мои ноги опять разболелись.

– Продолжайте примачивать их водой с уксусом, пока я не пришлю вам мазь, которая быстро облегчит боль. Я зайду завтра. Кстати, завтра же мне нужно побывать в школе мистера Бонникестля; там у меня есть маленький пациент и, если угодно, я могу отвезти туда вашего сына.

– Это будет очень удобно для нас, доктор, – сказал мистер Изи.

– В таком случае я загляну к мистрисс Изи, а завтра буду у вас в десять часов. Покойной ночи.

– Покойной ночи, доктор.

Доктору нужно было еще подготовить мистрисс Изи. Он преувеличил ожоги ее мужа, преувеличил его гнев, и советовал ей ни в коем случае не противоречить ему, пока он не умиротворится. На следующий день он явился за мальчиком, и несмотря на оханья Сары, несмотря на слезы мистрисс Изи, которая не решилась

протестовать, и на отчаянное сопротивление мистера Джонни, наш герой был усажен в карету доктора Миддлтона и препровожден в школу мистера Бонникестля. Водворение его в этом учреждении произошло без дальнейших осложнений, так как, убедившись в бесполезности сопротивления, мистер Джонни, скрепя сердцем, покорился судьбе.

Глава V

в которой Джек неудачно применяет на практике философию своего родителя

Несмотря на свою избалованность, Джонни, как мальчик сообразительный и смысленный, довольно быстро сориентировался в школе и приспособился к требованиям дисциплины; с товарищами у него также установились хорошие отношения благодаря его веселому и добродушному нраву.

Можно бы было подумать, что его отсутствие будет тяжело ощущаться в доме, но этого не было. Во-первых, доктор Миддлтон указал мистрисс Изи на то, что сечение школе не применяется, тогда как трепка, полученная Джонни от отца, без сомнения, повторилось бы не раз; а во-вторых, хотя мистрисс Изи воображала, что не переживет разлуки с сыном, но вскоре убедилась, что остается и в его отсутствие живехонькой, да чуть ли еще не счастливее, чем при нем. Ребенок, тем более балованный, всегда является источником беспокойства и тревоги, и после отправки Джонни в школу мистрисс Изи стала чувствовать себя гораздо спокойнее и свободнее, что более соответствовало ее наклонностям. Понемногу она отвыкла от него и стала довольствоваться случайными свиданиями и сообщениями доктора Миддлтона, так что под конец совершенно примирилась с тем, что он остается в школе и является домой только по воскресеньям да на каникулы. Джон Изи хорошо учился; способности у него были недурные, и мистер Изи при свиданиях с доктором Миддлтоном потирал руки, говоря:

– Пусть побудет у них еще годика два, а там я сам завершу его образование.

Каждые каникулы он старался внедрять свою философию в голову сына, который, хотя и относился к ней без особенного внимания, однако не выказывал и отвращения к философическим словопрениям. Напротив, привычку

«аргументировать» он воспринял от мистера Изи и усвоил ее в такой степени, что мог заговорить даже своего родителя.

Ничто не доставляло мистеру Изи такого удовольствия, как эта речистость сына.

– Верно, сынок! Оспаривай этот пункт, Джек, – оспаривай этот пункт, мальчик! – приговаривал он, когда Джек спорил с матерью; и потирая руки, обращался к доктору Миддлэнтону, замечая: – Поверьте мне, из Джека выйдет великий человек.

Затем он давал Джеку гиней, и тот убеждался, что философия имеет свои достоинства. В школе он избегал вступать в прения с учителями и директором, так как убедился, что результат редко оказывается благоприятным для него; но охотно заводил дебаты с товарищами; дебаты кончались обыкновенно дракой, в которой Джек умел постоять за себя, не сохраняя, однако, злобного чувства если трепка доставалась на его долю.

Так воспитывался он до шестнадцати лет. В этом возрасте Джек был довольно красивый и стройный малый несколько легкомысленный, веселый и добродушный. Великие принципы равенства прав человека, имущественного уравнивания – в те времена зачатки социалистического учения только что проявились – он усвоил от своего отца в такой же сумбурной и бестолковой форме какую они приняли в голове философа. Ему и в голову не приходило, что практическое осуществление этих принципов представляет общественную задачу, которая может быть решена только посредством общественной работы. Идея прав человека соответствовала его характеру, добродушному и возмущавшемуся угнетением и несправедливостью. Практическое ее применение выражалось в том, что он вступался в школе за обижаемых товарищей, не жалея собственных боков; относился с большим вниманием и вежливостью к зависимым и низшим, и всегда готов был помочь, как умел, слабому. Что касается идеи об имущественном уравнивании, то она выражалась у него только в дурачествах вроде ловли рыбы в чужих прудах и т. п., причем в случае столкновения с владельцами он пресерьезно пытался доказывать, что плоды земные составляют общее достояние. Владельцы обыкновенно обнаруживали глубочайшее равнодушие к философским аргументам, но тем охотнее прибегали к «argumentum baculinum», т. е. попросту к палке, на каковую аргументацию наш герой отвечал в том же духе, но нередко принуждаем был ретироваться с уроном. В сущности, эти похождения соответствовали юношеской склонности к проказам и дурачествам, а мысль, что, привязывая к

ним великие идеи, он только компрометирует эти последние, не приходила в голову нашему герою.

В одно прекрасное утро Джек заметил за изгородью какого-то сада большую яблоню со множеством соблазнительных плодов и, недолго думая, перемахнул через изгородь, взобрался на дерево, выбрал яблоко получше и принялся есть.

– Эй, сэр, что вы там делаете? – раздался грубый голос.

Джек взглянул на коренастого субъекта в серой куртке и коричневом жилете, стоявшего под деревом.

– Разве вы не видите, что делаю, – отвечал Джек, – ем яблоки, хотите, брошу и вам?

– Покорнейше вас благодарю, вы так свободно угощаете ими других и себя самого, как будто они ваша собственность.

– Ничуть не более моя собственность, чем ваша, добрейший.

– Ну, это больше похоже на правду, но все же не совсем правда; эти яблоки мои, и я вас прошу спуститься с дерева как можно скорее. Когда вы будете внизу, мы сведем счеты и, – прибавил субъект, потрянув дубинкой, – я рассчитаюсь с вами.

Джеку не особенно понравился этот оборот дела.

– Добрейший мой, – сказал он, – с вашей стороны чистый предрассудок воображать, будто эти яблоки не даны, как и все остальные плоды, в пользование всем нам; они общее достояние, поверьте мне.

– Это как посмотреть, любезный, у меня свой взгляд.

– Вы найдете это в Библии.

– Никогда не находил, хоть и читал ее от доски до доски.

– В таком случае, – сказал Джек, – сходите домой и принесите Библию, я покажу вам.

– Подозреваю, что вы не станете дожидаться, пока я вернусь. Нет, нет; у меня пропала куча яблок, и мне давно хотелось поймать вора; и теперь, когда я поймал-таки одного, я постараюсь, чтобы он не ушел без яблочного соуса. Итак, слезайте, юный воришка, слезайте-ка вниз – или вам же будет хуже.

– Благодарю вас, – сказал Джек, – но мне и здесь хорошо. С вашего позволения, я буду обсуждать этот пункт, оставаясь здесь.

– Мне некогда обсуждать этот пункт, любезнейший, у меня дела по горло, но не думайте, что я вас выпущу. Если вы не хотите спуститься, оставайтесь на дереве, но я ручаюсь вам, что вы будете сидеть там, пока я не кончу работы.

– Что поделаешь с человеком, который не хочет слушать аргументов, – подумал Джек. – Вот люди! Но он не найдет меня, когда вернется с работы, за это ручаюсь.

Но Джек ошибался. Фермер отошел к изгороди, кликнул какого-то мальчишку и отдал ему приказание, после чего тот побежал на ферму. Минуту или две спустя показался огромный бульдог, бежавший через сад к своему хозяину.

– Заметь его, Цезарь, – сказал хозяин бульдогу, указывая на Джека. – Заметь его.

Бульдог уселся на траву, поднял голову, уставился на Джека и показал двойной ряд зубов, которые разом выгнали всю философию из головы нашего героя.

– Я не могу ждать, но Цезарь может, и я дружески предупреждаю вас, что если вы попадетесь ему в зубы, он разнесет вас на клочки. После работы я вернусь.

Сказав это, фермер ушел, оставив Джека обсуждать вопрос с собакой.

Немного погодя собака опустила голову и закрыла глаза, точно заснула; но Джек заметил, что при малейшем его движении один глаз бульдога приоткрывался; ввиду этого он, как человек благоразумный, решил оставаться там, где сидел. Он сорвал еще несколько яблок, так как было время обедать, и жевал их в

задумчивости.

Спустя несколько минут другое жующее животное показалось на горизонте, не кто иной, как бык, забредший в сад и, по-видимому, вообразивший себя его владельцем. Он мычал иногда и мотал головой, направляясь к Цезарю, которого, кажется, считал таким же нарушителем чужих прав, как его хозяин Джека. Бульдог вскочил и уставился на быка, который приближался, роя землю и задрал хвост кверху. Подойдя на расстояние нескольких шагов, бык бросился на бульдога, который увернулся и, в свою очередь, атаковал быка, и таким образом завязался поединок, причем оба противника постепенно удалились от дерева. Джек приготовился к бегству, но, к несчастью, сражающиеся находились между ним и изгородью, через которую он перелез. «Ничего не значит, – подумал Джек, – у каждого поля имеются две стороны, и хотя другая изгородь ближе к ферме, но выбора не остается. Во всяком случае, надо попытаться счастья», – решил он и начал спускаться вниз, но тут услышал отчаянный вой. Бык подхватил бульдога на рога, швырнул его вверх, и Джек видел, как тот перелетел через изгородь. Бык отпраздновал свою победу торжествующим ревом, а Джек, избавившись от своего сторожа, спустился на землю и наострил лыжи.

К несчастью для Джека, бык заметил его и, опьяненный своей победой, испустил новый рев и бросился вперед. Джек заметил опасность; страх придавал ему крылья и он перелетел не только через сад, но и через изгородь пять футов высотой как раз в ту минуту, когда бык ударился в нее головой. Смотри, куда прыгаешь, – гласит старинная поговорка. Если бы Джек последовал ей он вероятно, прыгнул бы удачнее, но надо сознаться, что у него были достаточные основания пренебречь мудрой поговоркой. Во всяком случае, прыгнув через забор, Джек попал прямехонько в небольшой пчельник и свалил два улья с пчелами, которые обозлились за это вторжение, и прежде чем Джек успел подняться на ноги, принялись жалить его куда попало. Ему оставалось только бежать, но пчелы летели быстрее, чем он; и Джек совсем одурел от боли, как вдруг споткнулся на каменную стенку колодца. Он не успел удержаться, но успел схватиться за цепь, ударившую его по лицу. Ворот завертелся, Джек полетел вниз и после быстрого спуска в сорок футов окунулся в воду, но избавился от пчел, которые либо потеряли из вида нашего героя, либо не захотели лезть за ним в колодезь. Джек вынырнул из воды и ухватился за веревку, к которой была привязана цепь с ведром, – она развернулась вся, и благодаря этому Джек мог держать голову над водой. Спустя несколько мгновений он нащупал ногами ведро, влез в него и таким образом устроился довольно удобно, так как вода после укусов пчел и быстрого бега, приятно

освежила его.

«Во всяком случае, – думал Джек, – если б не бык, я бы остался на дереве и получил трепку от фермера; но опять же, если бы не бык, я не попал бы к пчелам, а если бы не пчелы, я не свалился бы в колодезь; и, наконец, если б не цепь, то я бы утонул. Такова была связь событий, и все потому, что мне вздумалось съесть яблоко».

«Как бы то ни было, я избавился от фермера, от собаки и от пчел, – все хорошо, что хорошо кончается; но какой черт поможет мне выбраться из колодца? Вся тварь и все стихии, по-видимому, ополчились на защиту собственности: зловредный институт!»

Мы привели весь этот монолог нашего героя, чтоб показать, что он не был глупцом или ничтожным малым, человек, который может так хорошо рассуждать о причинах и следствиях, сидя на дне колодца по шею в воде, несомненно обладает незаурядным присутствием духа. Будь Джек заурядным малым, мы бы не выбрали его в герои нашего рассказа.

Глава VI

в которой Джек приходит к не совсем благоразумному решению

«В конце концов, приходится признать, что хотя бывают такие плачевные обстоятельства, при которых колодезь может оказаться желанным убежищем, но при всем том колодезь не приспособлен для продолжительного пребывания в нем», – думал Джек.

Спустя четверть часа зубы его стучали, губы дрожали, все члены онемели, и он нашел, что пора ему начать звать на помощь, чего сначала не решался делать, опасаясь попасть в переделку к фермеру и его семье. Итак, он раскрыл было рот, собираясь крикнуть, как вдруг почувствовал, что цепь поднимается вверх, и он медленно выходит из воды. Сначала он услышал жалобы на тяжесть ведра и нимало не удивился им; потом болтовню и смех, по-видимому, двух лиц; наконец, его голова поднялась над низенькой стенкой колодца, и он уже

готовился протянуть руки и уцепиться за нее, когда люди, вертевшие ворот, увидели его. Это были мешковатый батрак с фермы и служанка.

– Благодарю вас, – сказал Джек.

Но он не успел услышать ответ на свою благодарность; девушка вскрикнула и выпустила ручку ворота, испуганный работник не удержал ее, она выскользнула из его руки, перевернулась,хватила его по зубам так, что он растянулся навзничь, и не успели слова благодарности замереть на устах Джека, как он с быстротою молнии полетел на дно. К счастью для Джека, он еще не выпустил из рук цепи, иначе, пожалуй, убился бы о стенку колодца; в данном случае он только окунулся еще раз в воду и минуты через две занял прежнюю позицию.

«Забавная штука, нечего сказать, – подумал Джек еще раз шлепнув по мокрой шляпе на голове, – во всяком случае, они не могут теперь сослаться на неведение, им известно, что я здесь».

Тем временем девушка вбежала в кухню, бросилась сначала на стул, а с него покатилась на кучу теста приготовленного для посадки в печь и стоявшего на полу.

– Боже милостивый, что такое с Сусанной! – воскликнула жена фермера. – Что такое – где Мэри – где Джон? Убей меня Бог, если булка не превратится в лепешку.

Вскоре явился Джон, державшийся руками за челюсть и выглядевший крайне расстроенным и испуганным по двум причинам: во-первых, ему казалось, что у него сломана челюсть, во-вторых, он думал, что увидел черта.

– Боже милостивый, да что же это такое? – снова воскликнула фермерша. – Мэри, Мэри, Мэри! – завопила она, сама начиная трусить, так как тщетно старалась сдвинуть Сусанну с ее тестяного ложа, на котором та лежала бесчувственная и тяжелая, как свинец. Мэри явилась на громкий призыв своей хозяйки, и вдвоем они подняли Сусанну; но теста уже не было надежды поднять.

– Что ж ты не подойдешь и не поможешь Сусанне, Джон? – крикнула Мэри.

– Ай-ай-ай! – вот все, что было ответом со стороны Джона, который находил, что достаточно помог Сусанне, и продолжал держаться руками за голову.

– В чем дело, хозяйка? – воскликнул фермер, входя в комнату. – Отцы родные, что такое с Сусанной? А с тобой что случилось? – обратился он к Джону. – Ну и денек выпал, будь ему неладно, беда за бедой. Первое – разворовали все яблоки; потом все улья на пасеке перевернуты вверх дном; потом бык распорол брюхо Цезарю; потом бык проломил изгородь и попал в лесопильную яму, а теперь, когда я прихожу позвать людей, чтоб помогли мне вытащить его оттуда, – извольте полюбоваться: баба лежит, словно мертвая, а Джон смотрит, как будто видел черта.

– Ай-ай-ай! – ответил Джон, утвердительно кивая головой.

– Видно и впрямь черт вырвался на волю. В чем дело, Джон? Видели вы его, что ли, с Сусанной?

– Ай-ай!..

– Видно, он лишил тебя языка; я вижу, из тебя ничего не выжмешь. А та что? Пришла в себя, наконец?

– Да, да, ей теперь лучше. Сусанна, что случилось?

– О, о! Колодезь, колодезь...

– Колодезь! Что-нибудь там неладно, должно быть; пойду посмотрю.

Фермер направился к колодцу; он заметил, что ведро спущено вниз, и вся веревка размотана; заглянул в колодезь. Джек, который потерял всякое терпение, смотрел вверх, ожидая помощи, которая, как ему казалось, чересчур долго заставляет себя ждать; круглое лицо фермера отчасти затмило светлый круг отверстия, как спутник Юпитера затмевает иногда лик планеты, вокруг которой вращается.

– Я здесь, – крикнул Джек, – вытащите меня поскорее, или я умру.

Это была правда, так как он совсем изнемог, хотя мужество не изменило ему.

– Черт возьми, кто-то упал в колодезь, – воскликнул фермер, – сегодня конца нет приключениям. Ну, сначала надо вытащить христианина из колодца, а потом уж быка из ямы. Пойду позову людей.

Вскоре несколько человек собрались у колодца.

– Эй, внизу, держись крепче!

– Держусь, не бойтесь, – ответил Джек. Ворот завертелся, и Джек еще раз направился вверх. Как только он показался над колодцем, люди вытащили его и положили на траву, так как он совершенно обессилел.

– Э, да это тот самый молодчик, что сидел на моей яблоне! – воскликнул фермер. – Ну, как бы то ни было, не умирать же бедняге из-за нескольких яблок. Возьмите его, братцы, и отнесите в дом, – вишь, он полумертвый от холода – немудрено.

Фермер пошел вперед, а люди перенесли Джека в дом, где фермер дал ему выпить стаканчик водки; это оживило его, и вскоре он совсем оправился.

После того, как Джек рассказал, каким образом он попал в колодец, фермер спросил:

Как же вас звать?

– Моя фамилия Изи, – ответил Джек.

– Как! Вы сын мистера Изи, владельца Форест-Гилля?

– Да.

– Да ведь это мой лендлорд, и добрейший лендлорд! Что же вы не сказали об этом, когда сидели на дереве? Я бы предоставил весь сад в ваше распоряжение.

– Почтеннейший, – возразил Джек, который выпил второй стаканчик водки и сделался разговорчивым, – пусть это послужит для вас предостережением: вперед выслушивайте человека, который предлагает вам обсудить вопрос. Если б вы подождали, я бы доказал вам самым неоспоримым образом, что у вас не больше прав на яблоки, чем у меня, но вы не захотели слушать мои аргументы, а без обсуждения вопроса нельзя добраться до истины. Вы посылаете за бульдогом, которому бык распарывает брюхо; бык ломает себе ногу, свалившись в яму; ульи перевернуты, и вы теряете мед; ваш работник Джон получает перелом челюсти; ваша работница Сусанна портит хлеб, а почему? Потому что вы не пожелали выслушать мои аргументы.

– Пожалуй, мастер Изи, вы правы в том отношении, что я должен был выслушать вас, хотя не постигаю, как бы вы ухитрились доказать мне, что яблоки не мои, когда я арендую сад у вашего отца? Но теперь посмотрим на ваше поведение: как вы его-то оправдаете? Вы забираетесь на дерево за яблоками, хотя у вас довольно денег, чтобы купить их; вы сидите под стражей бульдога; чуть-чуть не попадаете на рога к быку; искусаны пчелами; купаетесь в колодце; десять раз рискуете жизнью и все из-за яблок, которые не стоят двух пенсов.

– Совершенно верно, добрейший, – отвечал Джек, – но вы забываете, что я философ и отстаиваю права человека.

– В первый раз слышу, что парнишка, ворующий яблоки, называется философом; мы называем такие дела попросту мелким жульничеством; а что касается до прав человека, так не воровством же яблок их отстаивать.

– Дело в точке зрения...

– Да, вот вам точка зрения; берет же ваш отец с меня аренду за сад, стало быть, по его точке зрения, выходит, что собственность на землю принадлежит ему; а ведь этими деньгами и вы пользуетесь.

Джек слегка смутился.

– Обсудим этот вопрос, – сказал он.

– Вряд ли мы договоримся до чего-нибудь нужного, – возразил фермер. – Стар я уж слишком, чтобы учиться философии. Думаю только, что вы не с того конца

взялись я дело. Права человека – ведь это общее дело, а не ваше личное; стало быть, чтобы их добиться, надо общие порядки и законы изменить, весь уклад перестроить, а не просто нарушать закон, как кому вздумается. А если уж вы от себя хотите действовать, то с себя и начать надо: отрекись-ка от своего имущества да ступайте в рабочие... Ну, да как бы там ни было, мой сад к вашим услугам, можете пользоваться яблоками, сколько душе угодно, а если уж вам непременно хочется воровать их, а не спрашивать, то я прикажу своим людям делать вид, что они вас не замечают. Моя тележка у крыльца, мастер Изи, работник отвезет вас к папаше; кланяйтесь ему от меня и скажите, что я очень сожалею, что вы свалились в колодезь.

Так как Джек чувствовал больше склонности ко сну, чем к аргументации, то он пожелал фермеру покойной ночи и предоставил отвезти себя домой. Теперь, когда кровообращение восстановилось, боль от пчелиных жал была так сильна, что он был очень рад встретить доктора Миддльтона за чайным столом в своей семье. Джек не стал рассказывать историю своих походов, а сказал только, что опрокинул нечаянно несколько ульев и был жестоко искусан пчелами. Доктор Миддлтон предписал средство для облегчения боли, но, пощупав пульс Джека, нашел у него сильную лихорадку, что не представляло ничего удивительного после приключений этого дня. Джек улегся в постель и пролежал неделю, в течение которой думал да раздумывал и пришел, наконец, к решению, о котором читатель узнает ниже. Раздумывая о словах фермера, он, правду сказать, не чувствовал ни малейшей охоты к отречению от своих имущественных прав; работа общественная, направленная к осуществлению его великих идей, совершенно не представлялась семнадцатилетнему мальчику, а его родитель, переплетавший эти идеи в совершенно отвлеченной форме с хронологическими бреднями, не мог дать ему нужных указаний в этом направлении; школа ему надоела, а личный характер тянул к приключениям, и вот он надумал план, на который, впрочем, навело его чисто случайное обстоятельство.

В тот вечер, когда Джек вернулся домой, искушенный пчелами, он застал в гостях у отца некоего капитан Уильсона, дальнего родственника, который навещал их очень редко, так как жил довольно далеко, а имея многочисленную семью и никаких средств, кроме половинной пенсии, для ее содержания, не мог тратить на разъезды. На этот раз целью его посещения было попросить о помощи мистера Изи. Ему удалось получить команду над военным корветом (он состоял на государственной службе), но у него не было средств, чтобы снарядиться самому и хоть сколько-нибудь обеспечить семью на время своего отсутствия. Поэтому он решил попросить у мистера Изи взаймы несколько сот фунтов, рассчитывая расплатиться на счет призов, которые ему удастся

захватить. Мистер Изи, доброта и отзывчивость которого не подлежали сомнению, был не такой человек, чтобы отказать в подобной просьбе; он написал чек на тысячу фунтов и вручил его капитану Уильсону, прибавив, что он может уплатить долг, когда найдет это удобным для себя. Капитан Уильсон выдал расписку в получении суммы и обещал уплатить из первых призовых денег, каковое обещание, как бы ни было оно обязательно для честного человека, с юридической точки зрения было равносильно обещанию рассчитаться «на том свете угольками». Сделка только что состоялась, и капитан Уильсон с мистером Изи вернулись в гостиную как раз в ту минуту, когда явился Джек.

Джек поздоровался с капитаном Уильсоном, которого знал уже давно, но, как было сказано выше, он слишком страдал от боли и потому удалился с доктором Миддльтоном и лег в постель.

На восьмой день он встал с постели и явился в гостиную. Тут он рассказал отцу о своих приключениях с яблоками, бульдогом, быком, пчелами и колодезем. Вместо того, чтобы объяснить сыну, что он, действительно, взялся за дело «не с того конца», как выразился фермер, и что отстаивание великих идей посредством воровства яблок является мальчишеством, философ отнесся к подвигу Джека с самой неподражаемой серьезностью.

– Я говорил тебе, Джек, – сказал он, – что мы живем в железном веке, что наши нравы глубоко испорчены социальной несправедливостью. Но всякая истина, хоть и самая возвышенная, должна иметь своих мучеников, прежде чем восторжествует, и, подобно Аврааму, которого всегда считал великим философом, я готов принести своего единственного сына в жертву ради столь благородного дела.

– Все это очень хорошо с вашей стороны, папа, но мы должны обсудить этот пункт. Если вы такой же великий философ, как Авраам, то я вовсе не такой покорный сын, как Исаак, и желаю поступать по собственному усмотрению. Я вижу, что на суше вовсе не подготовлены к вашей философии, и потому намерен отправиться в море, поступить на корабль. Море никому не принадлежит, никем не возделывается, никто его не пашет, никто на него не заявляет требований, оно общее достояние. Стало быть, там я найду равенство, и так как я решил не возвращаться в школу, которая мне до смерти надоела, то и отправлюсь в море.

– И слышать не хочу, Джек. Во-первых, ты должен вернуться в школу, во-вторых, ты не пойдешь в море.

Но Джек принялся «обсуждать этот пункт» с такой энергией, ссылаясь на права человека, на принцип равенства, на свою свободную волю, которой никто не в праве подавлять, что совсем загонял почтенного родителя, и тот кончил тем, что уступил, хотя и со вздохом.

– Хорошо, Джек, если ты непременно хочешь этого, то отправишься в море.

– Разумеется, – воскликнул Джек с победоносным видом, – но с кем, вот вопрос? Я слышал, будто капитан Уильсон получил судно, и не прочь был бы отправиться с ним.

– Я напишу ему, – уныло промолвил мистер Изи, – но мне хотелось бы сначала ощупать его голову.

На том и порешили.

Ответ капитана Уильсона, разумеется, был утвердительный, и он обещал относиться к Джеку, как к родному сыну.

Наш герой уселся на родительскую лошадь и поехал к мистеру Бонникестлю.

– Я отправлюсь в море, – сказал он ему.

– И прекрасно сделаете, – ответил мистер Бонникестль.

Наш герой встретился с доктором Миддльтоном.

– Я отправлюсь в море, доктор Миддльтон.

– И прекрасно сделаете, – ответил доктор.

– Я отправляюсь в море, матушка, – сказал Джон.

– В море, Джон, в море! Нет, нет, милый Джон, ты не пойдешь в море! – воскликнула мистрисс Изи ужасом.

– Нет, пойду, отец согласился и говорил, что убедит и вас дать согласие.

– Мое согласие! О, милый, милый мой мальчик! – И мистрисс Изи зарыдала прегорько, как Рахиль, плачущая о чадах своих.

Глава VII

в которой мистер Изи получает первый урок служебного рвения

Так как времени терять было нечего, то наш герой живо простился с отеческим кровом, как говорится, и отправился в Портсмут. Так как денег у него было довольно, и ему доставляло большое удовольствие чувствовать, что он сам себе господин, то он не торопился сесть на корабль, а пятеро или шестеро не слишком почтенных приятелей, которых подобрал Джек – или они выбрали Джека – кутившие на его счет, усердно советовали ему оставаться на берегу до самой последней минуты. Так как этот совет совпадал с мнением самого Джека, то наш герой провел три недели в Портсмуте, прежде чем кто-либо узнал о его приезде. Наконец, однако, капитан Уильсон получил от мистера Изи письмо, из которого узнал об отъезде Джека, и, опасаясь, не случилось ли с ним какой-нибудь беды, поручил старшему лейтенанту навести справки. Это произошло уже накануне дня, назначенного для отплытия. Старший лейтенант заглянул в несколько гостиниц, осведомляясь, не остановился ли там господин по имени Изи.

– Как же, – отвечал швейцар в гостинице Фоунтэн, – мистер Изи стоит здесь уже три недели.

– Черт бы его побрал, – зарычал мистер Саубридж с негодованием старшего лейтенанта, три недели дожидającegoся мичмана. – Где он? В зале?

– О, нет, сэр, мистер Изи занимает первый номер в бельэтаже.

– Ведите меня к нему.

– Как прикажете доложить о вас, сэр?

– Старшие лейтенанты не докладывают о себе мичманам, – возразил мистер Саубридж, – он скоро узнает, кто я такой.

Получив такой ответ, швейцар поднялся по лестнице в сопровождении м-ра Саубриджа и отворил дверь в номер.

– Вас желают видеть, сэр, – сказал он.

– Попросите войти, – отвечал Джек, – да вот что еще; скажите там, чтобы пунш был сегодня получше, чем вчера; у меня обедают еще двое джентльменов.

Тем временем мистер Саубридж, который был в штатском платье, вошел в комнату и увидел Джека одного за обеденным столом, шикарно сервированным на восемь персон. Вообще, вся обстановка и самый номер пристали бы, по мнению мистера Саубриджа, разве флагману, а уж никак не мичману военного корвета.

Мистер Саубридж был деловой офицер, прослуживший двадцать семь лет, не имея ничего, кроме жалованья. Он немножко отстал по службе, и питал антипатию к молодым людям из богатых семей, толпами стремившимся во флот – не без основания, так как его шансы на повышение убывали соответственно возрастанию числа конкурентов. Он находил, что чем богаче и щеголеватее мичманы, тем меньше от них пользы для дела, и можно себе представить, как разыгралась его желчь при виде богатства и роскоши, окружающих молокососа, который еще три недели тому назад обязан был явиться на службу. При всем том мистер Саубридж был добрый человек, хотя и завидовал несколько роскоши, которой не досталось на его долю.

– Позвольте узнать, – сказал Джек, который всегда был чрезвычайно учтив и любезен, – чем могу служить вам?

– Немедленным прибытием на ваш корабль – вот чем, сэр. Да позвольте и мне узнать, сэр, по какой это причине вы изволите три недели болтаться на берегу

вместо того, чтобы явиться на службу.

В ответ на это Джек, удивленный резким тоном мистера Саубриджа, и усевшийся на стул при этом вопросе, скрестил ноги и, поигрывая золотой цепочкой часов, спросил холодным тоном после некоторой паузы:

– Смею спросить, кто вы такой?

– Кто я такой, сэр? – отвечал Саубридж, вскакивая со стула. – Мое имя Саубридж, сэр, я старший лейтенант «Гарпии». Теперь, сэр, вы знаете, кто я такой.

Мистер Саубридж, воображавший, что имя старшего лейтенанта поразит ужасом провинившегося мичмана снова опустился на стул и принял важный вид.

– Право, сэр, – сказал Джек, – мое незнакомство со службой не дает мне возможности уразуметь ваше действительное положение на корабле, но, судя по вашему поведению, вы довольно высокого мнения о себе самом.

– Ну, молодой человек, вы, я вижу, действительно не знаете, что такое старший лейтенант; но будьте покойны, я вам скоро объясню это. А пока, сэр, извольте немедленно отправиться на корабль.

– Весьма сожалею, что не нахожу возможным исполнить ваше скромное требование, – холодно ответил Джек. – Я отправлюсь на корабль, когда мне это будет удобно, а вас попрошу не беспокоиться обо мне.

Джек позвонил; швейцар, подслушивавший в коридоре, немедленно вошел, и прежде чем мистер Саубридж, онемевший от изумления, в которое повергла его дерзость Джека, успел что-нибудь ответить, Джек сказал:

– Швейцар, проводите этого джентльмена вниз.

– Клянусь богом войны! – воскликнул старший лейтенант. – Ну, попадитесь только в мои лапы, молокосос, – я вам покажу разницу между мичманом и старшим лейтенантом!

– Я могу допустить только равенство, сэр, – возразил Джек, – мы все родились равными – надеюсь, вы согласитесь с этим?

– Равными?.. Да вы, пожалуй, захотите командовать кораблем! Ну, сэр, ваше невежество пройдет помаленьку. Я сообщу о вашем поведении капитану Уильсону и говорю вам коротко и ясно: если вы не явитесь на корабль сегодня вечером, я пошлю завтра на рассвете сержанта с матросами притащить вас силой.

– Будьте покойны, сэр, – ответил Джек, – я сам сообщу капитану Уильсону, что считаю вас сварливым, дерзким малым, и посоветую ему не оставлять вас на корабле. Нет ничего приятного в обществе такого неотесанного медведя.

– Да он рехнулся, совсем рехнулся! – воскликнул Саубридж, удивление которого пересилило даже его негодование. – Рехнулся, как мартовский заяц – ей Богу.

– Нет, сэр, – возразил Джек, – я не рехнулся; я философ.

– Что такое? – воскликнул Саубридж. – Еще что скажете? Да вы шутник, как вижу; ладно, я подвергну испытанию вашу философию.

– Именно для этого, сэр, – отвечал Джек, – я и решил пойти в море; и если вы останетесь на корабле, я надеюсь обсудить с вами этот пункт и обратить вас к своим воззрениям.

– Клянусь Богом, создавшим нас обоих, я живо обращаю вас к военному уставу – то есть, если вы останетесь на корабле; а пока сообщу капитану о вашем поведении, вам же предоставляю услаждаться вашим обедом со всем аппетитом, на какой вы способны.

– Сэр, я бесконечно вам обязан; но не опасайтесь за мой аппетит, жалею только, что хотя мы служим на одном корабле, я, из уважения к молодым джентльменам, которых ожидаю, не могу предложить вам присоединиться к нашему обществу.

– Двадцать лет я пробыл на службе, – зарычал мистер Саубридж, – и черт побери... Да нет, он полоумный – начисто, безнадежно полоумный!

С этими словами лейтенант в бешенстве вышел из комнаты.

Джек, со своей стороны, был несколько смущен. Если б лейтенант Саубридж был при форме, разговор мог бы иметь другой характер, но что какой-то партикулярный человек, с черными усами и взъерошенными волосами, в старом синем фраке, желтом кашемировом жилете решился говорить с ним таким тоном – было совершенно непонятно. «Он назвал меня полоумным, – думал Джек, – а я выскажу капитану Уильсону мое мнение об его лейтенанте». Вскоре за тем явились приятели Джека, и он забыл об этом происшествии.

Тем временем Саубридж отправился к капитану, которого застал дома. Он сообщил обо всем, что случилось и закончил свой доклад гневным требованием немедленно отказать Джеку в приеме на судно или отдать его под военный суд.

– Стоп, Саубридж, – возразил капитан Уильсон, – садитесь на стул и обсудим этот пункт, как говорит мистер Изи; а затем я обращусь к вашим лучшим чувствам. Что касается военного суда, то из него пути не будет, так как, во-первых, Изи формально еще не поступил на корабль, во-вторых, он не мог знать, что вы старший лейтенант или вообще офицер, раз вы не были при форме.

– Это правда, сэр, – отвечал Саубридж, – я забыл об этом обстоятельстве.

– Теперь, что касается его отставки или, вернее, непринятия на корабль, то надо принять в соображение, что мистер Изи воспитывался в деревне и о службе знает не больше, чем годовалый младенец. Я сомневаюсь, известно ли ему, что такое старший лейтенант, и во всяком случае он не имеет понятия о размерах власти старшего лейтенанта, как показывает его обращение с вами.

– Я тоже думаю, что не имеет, – ответил лейтенант сухо.

– Мне кажется поэтому, что раз его поведение вытекает из чистого неведения, оно не заслуживает чересчур сурового наказания. Что вы на это скажете, Саубридж?

– Пожалуй, сэр, в этом вы правы. Но он заявил мне, что он философ и толковал о равенстве. Объявил, что допускает службу только на условиях полного равенства между нами, и предложил обсудить этот пункт. Согласитесь, сэр, если мичман будет отказываться от исполнения законных распоряжений и

предлагать всякий раз обсудить этот пункт, то вся служба пойдет прахом.

– Это верно, Саубридж; и я припоминаю теперь об одном обстоятельстве, которое совсем упустил из вида, когда принимал Изи на корабль. Отец его носится с идеями равенства, прав человека и прочих, но в самой отвлеченной форме, не связывая их с действительной жизнью. Он напичкал ими и сына, а тот, как малый искренний и деятельный, пытался проводить их на практике. Но сумбур у него жестокий: он в законном требовании с вашей стороны готов видеть личный произвол, а в своей неявке на службу – проявление свободы, а не просто нарушение обязательства, которое сам же взял на себя... С такой путаницей в понятиях он обязательно попадет в беду на службе, если мы не постараемся вразумить его.

– Так не лучше ли ему оставить службу в покое? Ведь он не бедный человек, судя по вашим словам...

– У отца семь или восемь тысяч фунтов ежегодного дохода.

– А он единственный наследник? С такими средствами вряд ли он охотно примет вразумления. Пусть-ка лучше возвращается домой. В его разглагольствованиях больше фанаберии обеспеченного человека, чем подлинного стремления к равенству. А главное, где же нам заниматься вразумлением? У нас на руках трудное и ответственное дело; а молодой человек, для которого наша профессия сама по себе вовсе не интересна, у которого нет ни охоты, ни нужды добросовестно исполнять служебные обязанности, будет на каждом шагу помехой.

Капитан Уильсон прошелся раза два по комнате, а затем сказал:

– Дорогой мой Саубридж, мы вместе поступили на службу, много лет были товарищами, и вы должны знать, что не только наша многолетняя дружба, но и сознание, что ваши заслуги недостаточно вознаграждены, заставили меня хлопотать о вашем назначении старшим лейтенантом. Теперь я изложу один случай и предоставляю вопрос на ваше усмотрение, – мало того, подчинюсь вашему решению. Предположите, что вы капитан, подобно мне, с женой и семерыми детьми, много лет бились, стараясь прилично содержать семью, и, несмотря на крайнюю экономию, постепенно впали в долги. Предположите, что после долгих хлопот вам удалось получить команду над корветом, а с нею

вместе шансы выпутаться из ваших затруднений и, может быть, даже обеспечить семью при помощи двойного жалования и призов. Наконец, предположите, что все эти проекты и надежды готовы пойти прахом из-за того, что у вас нет денег, чтобы снарядиться, нет кредита, нечем уплатить долги, за которые ваш кредитор намерен наложить арест на ваше жалование, нечем обеспечить семью на время вашего отсутствия. В этой крайности, не зная, за что ухватиться, вы обращаетесь наудачу к человеку, с которым поддерживали самые отдаленные и случайные отношения, и, почти уверенный в отказе, просите его ссудить вам займы двести-триста фунтов, а он, к вашему изумлению, выдает вам чек в тысячу фунтов на своего банкира, не требуя ни процентов, ни обеспечения, и предоставляя вам возратить долг, когда вам будет удобно. Спрашиваю вас, Саубридж, каковы будут ваши чувства к этому человеку?

– Я бы умер за него, – отвечал Саубридж с волнением.

– Предположите теперь, что сын этого человека случайно оказался на вашем попечении.

– Я бы заменил ему отца, – подхватил Саубридж.

– Но пойдём дальше; предположите, что парнишка оказался не совсем подходящим, что он носится с благородными и возвышенными идеями, понимая и толкуя их вкривь и вкось, – отказали бы вы ему на этом основании в своем покровительстве, предоставили бы вы ему ведаться с другими, которые не связаны благодарностью в отношении его отца, и в среде которых его непонимание дисциплины привело бы к роковым последствиям?

– Разумеется, нет, сэр, – отвечал Саубридж, – напротив, я взял бы его к себе и постарался бы направить на путь истинный.

– Мне вряд ли нужно прибавлять после всего сказанного, Саубридж, что молодой человек, с которым вы сейчас имели дело, и есть сын того лица, мистера Изи из Форест-Гилля, которое выручило меня из затруднительных обстоятельств.

– В таком случае, сэр, я могу сказать одно, – что не только из дружбы к вам, но и из уважения к человеку, который оказал такую услугу одному из нашей братии, я готов простить парнишке не только то, что между нами произошло, но и то,

что, вероятно, еще не раз будет происходить, пока он освоится со службой.

– Благодарю вас, Саубридж я ожидал этого от вас и не обманулся в своих ожиданиях.

– Что же мы предпримем теперь, сэр?

– Нам нужно заполучить его на корабль, только не с помощью сержанта и матросов: из этого выйдет больше шума, чем добра. Я напишу ему записку, приглашу его позавтракать со мною завтра утром и тогда потолкую с ним.

– Прекрасно, капитан, в таком случае я не буду ничего предпринимать и оставляю все дело в ваших руках.

Мистер Саубридж простился и ушел, а капитан Уильсон отправил нашему герою записку с приглашением позавтракать с ним завтра утром в 9 часов. Ответ был утвердительный, но устный: Джек выпил слишком много шампанского, чтобы отважиться действовать пером.

Глава VIII

в которой мистер Изи оказывается по ту сторону Бискайского залива

На следующее утро Джек Изи не вспомнил бы о приглашении капитана, если бы не швейцар, который рассудил, что после приема, оказанного нашим героем старшему лейтенанту, ему не следует вооружать против себя и капитана. Итак, Джек надел мундир, главным образом потому, что попечительный швейцар надумил его, что в данном случае это самое подходящее, и отправился на квартиру капитана. Последний принял его, как будто ничего не знал о его трехнедельной неявке на службу и о столкновении со старшим лейтенантом, но за завтраком Джек сам рассказал ему об этом происшествии. Тогда капитан распространился о правилах службы и о безусловной необходимости дисциплины, о том, что дело защиты страны может идти успешно лишь в том случае, если оно организовано, если обязанности точно и строго распределены между служащими, если все и каждый одинаково повинуются уставу, общему

для всех. Он заметил, что мичман исполняет законные требования лейтенанта, который исполняет законные требования капитана, который, в свою очередь, исполняет требования высшего начальства, а оно – требования страны; так что, в конце концов, все служащие повинуются требованиям страны, и в этом отношении между ними полное равенство (на «равенство» капитан старался особенно приналечь в течение этого увещания).

– У нас, в английском флоте, вы не найдете произвола, каприза, самодурства. От вас не потребуют угождения начальству, вас не заставят делать то-то и то-то потому что так заблагорассудилось лейтенанту или мне, или другому начальнику, вам не предъявят противозаконных требований... Мы все связаны военным уставом статьи которого обязательны для всех нас. Если лейтенант Саубридж потребовал от вас явки на службу, то не потому, что ему лично это угодно, а потому, что устав предписывал ему предъявить это требование, вам же – исполнить его: в этом отношении вы оба стоите на равной ноге, а если бы Саубридж не предъявил своего требования, он был бы повинен в нарушении устава... И наоборот, отказываясь исполнить это законное требование, вы тем самым заявляете претензию на какую-то привилегию для себя лично, стало быть, нарушаете тот самый принцип равенства, которым так дорожите...

Капитан долго и красноречиво распространялся на эту тему. Он говорил правду, и только правду, но... не всю правду, не считая нужным пояснять, что и в английском флоте не обходится без мелких нарушений устава, злоупотреблений властью и тому подобных изъяснов, неизбежных там, где действуют люди. По существу, впрочем, он верно описал организацию службы в английском флоте, и Джек, внимательно слушавший его, находил, что она, пожалуй, не идет вразрез с его понятиями о равенстве. Но он припомнил, каким языком и в каком тоне разговаривал с ним вчера Саубридж, и спросил капитана, чем же объяснить это поведение старшего лейтенанта? Понимая, что тон мистера Саубриджа вряд ли вязался с идеей равенства, капитан несколько смутился. Как бы то ни было, он объяснил, что неявка Джека на службу была нарушением устава, то есть неисполнением требований страны, что старший лейтенант отвечает за нарушение устава, и в своем стремлении оправдать доверие страны, естественно, мог дойти до некоторой резкости, но это объясняется единственно служебным рвением.

– Честное слово, – сказал Джек, – если так, то служебного рвения у него достаточно; если бы судьба всей страны была поставлена на карту, он не мог бы вести себя азартнее.

- Он исполнял свой долг, во это, поверьте, вовсе не доставляло ему удовольствия. Вот увидите, на корабле он примет вас дружески.
- Он назвал меня молокососом и полоумным...
- Служебное рвение.
- Сказал, что покажет мне разницу между мичманом и старшим лейтенантом.
- Служебное рвение.
- Обещал прислать сержанта с матросами и стащить меня силой на корабль.
- Служебное рвение.
- Объявил, что подвергнет испытанию мою философию.
- Служебное рвение, мистер Изи. Оно заставляет иногда человека хватать через край; но без него служба пойдет плохо. Я надеюсь и уверен, что со временем и вы будете таким же ревностным офицером.

Джек призадумался и ничего не ответил.

- Я уверен, - продолжал капитан, - что вы найдете в Саубридже одного из ваших лучших друзей.
- Может быть, - ответил Джек, - но мне не слишком понравилось наше первое знакомство.
- Сознание дела заставит вас признать, что и вы были неправы. Но, мистер Изи, я пригласил вас, чтобы сообщить, что мы отплываем завтра. Сегодня я отправлю на корабль свои вещи, и вы сделайте то же; в восемь часов вечера я сам буду на корабле; мы можем отправиться в одной лодке.

На это Джек ничего не возразил, а вернувшись в гостиницу, расплатился по счету, уложил чемодан, отправил его с матросом, который зашел за ним, и стал

ожидать дальнейших распоряжений капитана. В девять часов вечера мистер Джек Изи благополучно водворился на борте корвета Его Величества «Гарпия».

Когда Джек явился на корабль, было уже темно, и он не знал, что ему делать с собою. Офицеры вышли на палубу и приветствовали капитана, сняв шляпы; он отвечал на поклон, Джек сделал то же, очень вежливо; затем капитан заговорил с старшим лейтенантом, а Джек был предоставлен самому себе. Было слишком темно, чтобы различать лица, а для того, кто еще никогда не бывал на палубе корабля, слишком темно, чтобы ходить, и потому Джек остановился там, где взошел на палубу, недалеко от больших кнехтов. Но недолго пришлось ему стоять; шлюпка была поднята на шлюпбалки, и боцман крикнул какое-то приказание. Толпа матросов ринулась на крик и в темноте сбила с ног Джека, человек шесть растянулись, споткнувшись на него, остальные, не подозревая, что здесь затесался офицер, перескакивали через них, довольные потехой, пока те не откатились к сторонке. Джек, растерявшийся в первую минуту, и довольно сильно помятый, успел подняться на ноги лишь после того, как через него перескочила половина вахты. Он откатился к каронаде, где офицеры, смеявшиеся над этим происшествием, заметили его положение, в том числе старший лейтенант, мистер Саубридж.

– Вы ушиблись, мистер Изи? – спросил он вежливо.

– Немножко, – ответил Джек, переводя дух.

– Вы встретили не слишком любезный прием, – продолжал старший лейтенант. – Но на корабле случаются такие минуты, когда всяк за себя, а Бог за всех. Гарпер, – прибавил он, обращаясь к доктору, – отведите мистера Изи вниз, в констапельскую, я скоро приду туда. Где мистер Джолиф?

– Здесь, сэр, – отозвался мистер Джолиф, подштурман, выступая вперед.

– На корабле есть новичок, он приехал вместе с капитаном. Прикажете подвесить койку.

Тем временем Джек спустился в констапельскую, где стакан вина несколько оживил его. Он не оставался здесь долго и не пускался в разговоры. Как только койка была готова, Джек с радостью улегся в нее, – и так как чувствовал себя совсем разбитым, то встал только на другое утро в десятом часу. Он оделся,

выбрался на палубу, убедился, что корвет уже вышел в открытое море, почувствовал себя довольно скверно, потом совсем больным, и был отведен матросом обратно вниз, в койку, где и провел три дня, при довольно сильном шквале, то и дело стучаясь головой о перекладыны при качке и толчках, смущенный, растерянный и приунывший.

– Так вот что значит отправиться в море, – думал он, – немудрено, что никто не стремится им завладеть, не ставит меж и не толкует о нарушении границ; только бы мне попасть опять на сушу, а там пусть хоть черт завладеет моим участком океана.

Капитан Уильсон и мистер Саубридж предоставили Джеку больше покоя, чем вообще полагается больным мичманам. В течение бурных дней корвет вышел за мыс Финистерре. На следующее утро море почти успокоилось дул только легкий бриз. Сравнительно спокойная ночь восстановила силы нашего героя, и когда утром мистер Джолиф спросил его: «Намерен ли он вставать или думает до самого Гибралтара плыть под одеялом?» – Джек, чувствовавший себя совсем другим человеком, встал и оделся. Матрос, прислуживавший ему во время болезни по приказанию капитана, явился к нему на помощь, открыл чемодан и принес все, что требовалось, без чего Джек чувствовал бы себя в затруднительном положении.

Затем Джек спросил, куда ему идти, так как он еще не был в мичманской каюте, хотя уже пятый день был на судне. Матрос указал ему, куда идти, и Джек пробрался между ящиками в какую-то конуру похуже тех, которые в имении его отца служили жилищем для пойнтеров.

– Я готов отдать всякому, кто возьмет, не только мою долю океана, но и мою долю «Гарпии», – думал Джек. – В самом деле здесь, кажется, достаточно равенства: всем одинаково скверно.

Размышляя таким образом, Джек заметил, что в каюте находится другое лицо, мистер Джолиф, пристально смотревший на него. Джек ответил ему тем же и убедился, что лицо его страшно изрыто оспой, и что у него только один глаз, пронзительный и горевший, как огненный шарик, отражая больше света от единственной свечи, чем давала сама свеча.

«Мне не по нутру ваш взгляд, – подумал Джек, – вряд ли мы будем друзьями».

Но в этом случае Джек впал в обычную ошибку людей, судивших по наружности, как мы увидим ниже.

– Рад вас видеть еще раз, новичок, – сказал Джолиф, – вы-таки долго лежали на бимсе, но кто сильнее, тот и болеет сильнее – вы позднеенько собрались выйти в море. Ну, да говорят, «лучше поздно, чем никогда».

– Я бы очень не прочь обсудить этот пункт, – возразил Джек, – но теперь, мне кажется, это уже бесполезно. Я страшно голоден, когда мне можно будет позавтракать?

– Завтра утром, в половине девятого, – отвечал мистер Джолиф. – Сегодняшний завтрак был уже два часа тому назад.

– Неужели же я должен оставаться не евши?

– Нет, я этого не говорю; мы должны принять в соображение ваше нездоровье; но это уже не будет завтрак.

– Называйте, как вам угодно, – возразил Джек, – только прикажите, пожалуйста, дать мне поесть. Гренков или сдобную булку – что угодно, но я предпочел бы кофе.

– Вы забываете, что вы в мичманской каюте, за Финистерре. Кофе у нас нет, о сдобных булках мы и понятия не имеем, гренков нельзя сделать, потому что у нас нет мягкого хлеба, но можно дать вам чаю и корабельный сухарь с маслом – я прикажу баталеру подать.

– Вы меня очень обяжете, – отвечал Джек.

– Матрос, – крикнул Джолиф, – позовите Мести.

– Мести, в мичманскую! – крикнул матрос; и приказание пошло передаваться из уст в уста на носовую часть судна.

Но мы должны познакомить читателя с личностью, носившей имя Мести. Это был негр, привезенный из Африки в Соединенные Штаты и проданный в

невольничество. Он был очень высокого роста, сухощавый, но мускулистый, с наружностью, не совсем обыкновенной для его племени. Голова у него была длинная и узкая, с выдающимися скулами, нос маленький, но правильной формы, почти римский; рот необычайно маленький, а губы тонкие для африканца; зубы очень белые и заостренные. Он утверждал, будто у себя на родине был царем, что, конечно, не могло быть проверено. Его хозяин жил в Нью-Йорке, где Мести научился говорить по-английски. Услыхав, что в Англии нет рабства, он бежал, спрятавшись на английском купеческом корабле; а по прибытии в Англию поступил на военное судно. Имени у него не было, а так как в корабельных книгах надо же было как-нибудь именовать его, то старший лейтенант, любитель немецкой литературы, пораженный выражением его лица, окрестил его Мефистофелем; это длинное имя было сокращено в Мести.

Вскоре Мести явился на корму.

– Мести, – сказал Джолиф, – этот парнишка ничего не ел с тех самых пор, как вошел на корабль, – дайте ему чаю.

– Чаю, сэр? Чтоб сварить чай, мне, во-первых, надо воды, а во-вторых, место для чайника в камбузе. Теперь готовится обед, и места не найдется для вашего мизинца если б вам вздумалось обжечь его о плиту немедленно да и воды не будет раньше семи склянок. Никак невозможно дать чаю.

– Надо же ему поесть, Мести.

– Я обойдусь и без чаю, – сказал Джек, – дайте мне молока.

– За молоком, масса, далеко ходить; на ту сторону залива.

– У нас нет молока, мистер Изи, – сказал Джолиф, – вы забываете, что мы в море, – и я боюсь, что вам придется подождать обеда. Мести правду говорит.

– Я говорю, масса Джолиф, если молодой джентльмен желает получить вместо чая похлебки, то я могу принести. Оно ведь и все равно: чай – пойло и похлебка – пойло. Миску похлебки, да орехов, да щепотку перца – это ему будет полезно, я думаю.

– Лучше, чем ничего, во всяком случае; давайте же поскорее, Мести.

Спустя несколько минут Мести принес миску гороховой похлебки, тарелку мелких сухарей, которые назывались у матросов орехами, и перечницу. Мечты Джека о чае, кофе, сдобных булках, гренках и молоке рассеялись, но он был голоден, и нашел поданный ему завтрак гораздо лучшим, чем ожидал; да и себя почувствовал гораздо лучше, когда подкрепился. Пробило семь склянок, и он поднялся вместе с Джолифом на палубу.

Глава IX

в которой Джек выступает на защиту прав человека

Когда Джек Изи поднялся на палубу, солнце весело светило, легкий ветерок дул от берега, и все снасти были увешаны рубашками, штанами и куртками моряков, промокшими во время бури, а теперь сушившимися на палубе; мокрые паруса также сушились, и корабль медленно двигался по голубым водам. Капитан и старший лейтенант стояли на шкафуте, разговаривая, а большинство офицеров, запасшись квадрантами и секстантами, определяли широту. Палуба была чиста, как стеклышко, матросы приводили в порядок снасти. Эта сцена оживленной деятельности и порядка порадовала Джека после четырех дней болезни, спертого воздуха и заключения, из которого от только что выбрался.

Капитан, заметив его, кивнул ему головой и спросил, как он себя чувствует; старший лейтенант тоже улыбнулся ему, и многие из офицеров поздравили его с выздоровлением.

Джек наступил на канат; матрос, свертывавший его, дотронулся до шляпы и попросил Джека быть так любезным освободить канат. Джек, воплощенная вежливость, тоже дотронулся до шляпы и поспешил исполнить просьбу. Вахтенный офицер дотронулся до шляпы и сообщил старшему лейтенанту, что уже двенадцать часов, – старший лейтенант дотронулся до шляпы и сообщил капитану, что уже двенадцать часов, – капитан дотронулся до шляпы и попросил старшего лейтенанта распорядиться. Вахтенный офицер дотронулся до шляпы и спросил капитана, прикажет ли он свистать к обеду, – капитан дотронулся до шляпы и ответил: «пожалуйста».

Мичман получил распоряжение и, дотронувшись до шляпы, передал его старшему боцманмату, который дотронулся до шляпы, а затем раздался свисток.

«Ну, – подумал Джек, – по-видимому, вежливость – здешний девиз, и все относятся друг к другу с одинаковым уважением».

Джек стоял на палубе, смотрел в открытый пушечный порт на голубые волны; потом взглянул на высокие мачты, верхушки которых точно чертили ясное небо; поглядел на ряд пушек по краям палубы, а затем взобрался на койку, чтобы посмотреть на отдаленную землю.

– Молодой человек, сойдите с койки! – сердито крикнул вахтенный офицер. Джек оглянулся.

– Вы слышите меня, сэр? Вам говорю! – продолжал офицер.

Джек почувствовал сильное негодование и подумал что вежливость не является здесь таким общим правилом как ему показалось сначала.

Капитан Уильсон в эту минуту был на палубе.

– Подите сюда, мистер Изи, – сказал он. – Правила службы запрещают ложиться на койку иначе, как в случае крайней необходимости, – ни я, ни старший лейтенант никто из офицеров этого не делает, следовательно, из принципа равенства, и вы не должны делать.

– Разумеется, сэр, – ответил Джек, – но все-таки я не вижу, почему этот офицер в лощеной шляпе так рассердился, и отчего он не обращается со мной, как с джентльменом, таким же, как он.

– Я уже объяснял вам это, мистер Изи.

– Ах да, помню, служебное рвение... Это служебное рвение кажется мне единственной неприятной вещью на службе. Жаль, что, как вы говорите, без него нельзя обойтись.

Капитан Уильсон засмеялся и ушел; а немного погодя, разговаривая с вахтенным офицером, заметил ему, что не было никакой надобности говорить таким резким тоном с юнцом, совершившим простую оплошность по незнанию. Мистер Смальсоль, вахтенный офицер, был угрюмый субъект, не выносивший даже намека на неодобрение его действий, хотя совершенно равнодушный к чувствам других. Он решил отплатить Джеку при первом удобном случае.

Джек получил приглашение на обед к капитану и с удовольствием убедился, что все чокаются с ним, и что за капитанским столом царит, по-видимому, полное равенство. За десертом он разговорился на свою любимую тему; присутствующие не без изумления слушали проповедь такой неслыханной на военном корабле доктрины; капитан спорил, подсмеиваясь и стараясь не слишком задеть Джека. Общество, собравшееся за капитанским столом и состоявшее из младшего лейтенанта, рядового комиссара, мистера Джолифа и одного из мичманов, было изумлено не только проповедью таких еретических воззрений за капитанским столом, но и благодушным, шутливым отношением к ней капитана Уильсона. В тот же вечер все на корабле толковали о дерзости Джека и обсуждали его мнения (передававшиеся, разумеется, с прикрасами); об этом говорили старшие офицеры, толковали мичманы, прогуливаясь по палубе, судили и рядили унтер-офицеры за грогом. Общее мнение было то, что с такими понятиями наш герой, еще не доплыв до Гибралтара, попадет под военный суд или будет уволен со службы и отправлен на берег. Некоторые, обладавшие большой дозой змеиной мудрости и слыхавшие от мистера Саубриджа, что Джек наследник большого состояния, судили иначе и находили, что капитан Уильсон имеет основание быть снисходительным; в числе них был младший лейтенант. Только четверо сочувствовали Джеку: капитан, старший лейтенант, одноглазый мистер Джолиф и негр Мефистофель, который, услышав, какие взгляды высказывает Джек, полюбил его всей душой.

Мы упомянули о младшем лейтенанте, которого звали мистер Аспер. Этот молодой человек питал большое почтение к знатности происхождения, а в особенности к деньгам, которых у него было очень мало. Он был сыном богатого купца, выдававшего ему, пока он был мичманом, гораздо больше денег на расходы, чем требовалось, и это обстоятельство доставило ему значение не только среди товарищей, но и среди офицеров. Человек, который может оплатить крупный трактирный счет, всегда найдет последователей, то есть в трактире; и офицеры не отказывались обедать, разгуливать под руку и обращаться запанибрата с мичманом, на счет которого кутили во время побывок на берегу. Но когда мистер Аспер получил офицерский патент и жалование, его отец обанкротился, и источник щедрых даяний иссяк. С тем вместе пропало и

значение мистера Аспера; он уже не мог толковать, что служба ему надоела, и что он намерен оставить ее: он лишился уважения, оказывавшегося раньше не ему, а его кошельку; а между тем он успел избаловаться, привык к расходам, на которые теперь у него не хватало денег. Мудрено ли, что он проникся величайшим почтением к деньгам, и, не имея больше собственных средств, был не прочь подцепить какого-нибудь состоятельного приятеля, чтобы на его счет предаваться кутежам и излишества, к которым привык, и о которых вспоминал со вздохом. Узнавши в гостинице, какой счет оплатил наш герой, он пришел к убеждению, что у него денег куры не клюют, и твердо решился сделаться его преданнейшим и закадычнейшим другом на корабле. Разговор за обедом убедил его, что Джеку придется искать поддержки и быть за нее благодарным, и он предложил мистеру Саубриджу назначить новичка в его вахту. Мистер Саубридж согласился, и Джек Изи, вступивший теперь в исправление своих обязанностей, был назначен в вахте лейтенанта Аспера.

В тот же день Джек познакомился со своими товарищами по мичманской каюте.

Мы уже упомянули о помощнике штурмана, мистере Джолифе, но должны познакомить с ним читателя поближе. Природа иной раз действует крайне противоречиво; так поступила она и с мистером Джолифом, наделив его самой зловещей наружностью.

Он жестоко пострадал от оспы, не только изрывшей его лицо своими следами, но и исказившей его черты. Один глаз у него лишился зрения, а брови совершенно вылезли; контраст между мутной, незрячей, тусклой орбитой на одной стороне его лица и пронзительным огненным зрачком на другой, производил почти пугающее впечатление. Нос его был изъеден болезнью, оставившей на его месте острый, неправильной формы бугор; часть мускулов на подбородке была судорожно сведена, лицо изборозжено шрамами и рубцами. Он был высокого роста, тощий, сухопарый, редко улыбался, и улыбка его производила впечатление гримасы.

Мистер Джолиф был сын штурмана. Оспу он схватил в Вест-Индии, где она унесла сотни людей. Служил он давно, но удачи ему не было. Он страдал от бедности, от размышлений о своей горькой доле, от насмешек над своей наружностью. Он давно ушел в самого себя, мало говорил и не имел близких друзей, ни даже приятелей. Все относились к нему с уважением за его корректность, справедливость, вежливость и здравый смысл, но никому не было лестно иметь приятелем человека, на которого только что собаки не лаяли.

Во всякой компании, хотя бы самой маленькой, состоящей из пяти-шести душ, найдется забияка. И обыкновенно во всякой же компании вы встретите козла отпущения. Вы встретите это даже в случайных собраниях, например, среди лиц, собравшихся за обедом, большинство которых никогда не встречалось друг с другом раньше.

Забияка всегда проявляет себя диктаторскими манерами и выбирает субъекта, над которым, как ему кажется, с особенным удалством может проявить свое самодурство.

В мичманских каютах это даже вошло в пословицу, хоть в настоящее время не сопровождается таким отталкивающим деспотизмом, как в те времена, когда наш герой поступил на службу.

В мичманской каюте корвета Его Величества «Гарпия» забиякой был молодой человек лет семнадцати, с курчавыми светлыми волосами и цветущей физиономией, сын одного чиновника Плимутского адмиралтейства, по имени Вигорс.

Козлом отпущения был добродушный, мешковатый парнишка лет пятнадцати, от природы вовсе неглупый, но потерявший веру в свои силы из-за постоянных насмешек и издевательств со стороны своих товарищей, более бойких на язык, хотя, быть может, менее способных. Не отличаясь быстротою схватывания, он, однако, хорошо усвоил то, чему учился. Фамилия его была Госсет. Отец его был зажиточный фермер в Линне, в Норфолке. Кроме этих двух на корабле было еще три мичмана, о которых можно сказать только, что они походили вообще на всех мичманов: обнаруживали мало усердия к учению, но много усердия за обедом, питали ненависть ко всякой работе, пристрастие ко всякой забаве, были смертельными врагами сейчас, закадычными друзьями через пять минут; не были лишены общих принципов чести и справедливости, но подчиняли их случайным обстоятельствам; обладали такой хаотической смесью пороков и добродетелей, что почти невозможно было определить истинные мотивы их поступков и решить, до какой степени их пороки смягчались почти в добродетели, а добродетели вследствие излишества перерождались в пороки. Имена их были О'Коннор, Мильс и Гаскойн.

После обеда у капитана, Джек отправился с Джолифом и Гаскойном в мичманскую каюту.

– Послушайте, Изи, – заметил Гаскойн, – вы чертовски свободный в обращении малый: говорите капитану, что считаете себя такой же важной особой, как он.

– Прошу прощения, – возразил Джек, – я рассуждал не о личностях, а вообще, о принципе прав человека.

– Ну, – возразил Гаскойн, – я первый раз слышу, что какой-нибудь мичманишка рассуждает так вольно; смотрите, не попасть бы вам впросак с вашими правами человека – на военном корабле рассуждать не приходится. Капитан принял это удивительно благодушно, но я бы все-таки советовал вам пореже затрагивать эту тему.

– Гаскойн дает вам очень разумный совет, мистер Изи, – заметил мистер Джолиф, – пусть ваши идеи справедливы – хотя я, признаться, не вижу, как их применить на службе Его Величества – но надо же быть благоразумным: об этих вопросах можно безопасно толковать на суше, но здесь, на военном корабле, это может сильно повредить вам.

– Человек свободен в своих действиях, – возразил Изи.

– Только не человек в мичманском мундире, – смеясь возразил Гаскойн, – и вы скоро сами убедитесь в этом.

– А между тем, именно ожидая найти равенство, я и решился пойти в море.

– Первого апреля, надо полагать, – подхватил Гаскойн. – Да вы это серьезно?

В ответ на это Джек произнес целую речь, которую Джолиф и Гаскойн слушали, не перебивая, а Мести с восхищением; когда он окончил, Гаскойн расхохотался, а Джолиф вздохнул.

– Мистер Изи, – сказал он, – советую вам дружески по возможности хранить ваши мнения про себя. Мы еще потолкуем с вами, и я объясню вам свои резоны.

Едва он перестал говорить, в каюту вошли Вигорс и О'Коннор, уже слыхавшие о ереси Джека.

– Вы еще не знакомы с мистером Вигорсом и мистером О'Коннором, мистер Изи? – сказал Джолиф Изи.

Джэк встал, вежливо поклонился, но те уселись, не ответив на поклон. Из всего, что Вигорс слышал об Изи, он вывел заключение, что над ним можно будет потешиться, и начал без церемоний:

– Так вы, любезнейший, явились на корабль, чтобы поднять здесь бунт вашими толками о равенстве? Вы вольничали за капитанским столом; но это, доложу вам, не подойдет и в мичманской каюте; кто-нибудь должен уступить, и вы уступите.

– Если, сэр, вы подразумеваете под уступкой то, что я должен подчиниться чьему-нибудь произволу, то могу вас уверить, что вы ошибаетесь. На том же основании, на котором я не позволю себе тиранить слабейших, я не потерплю тирании над самим собой.

– Черт возьми, какой, подумаешь, законник; ну, любезнейший, мы вам собьем спеси.

– Значит ли это, что я не стою на равной ноге с моими товарищами? – спросил Джэк, взглянув на Джолифа.

Последний хотел отвечать, но Вигорс перебил его:

– Да, вы здесь на равной ноге со всеми – то есть имеете равное право на каюту, если вас не вытолкают за непочтение к старшим; имеете равное право на вашу долю провизии, если вам дадут ее; имеете равное право говорить, если не заставят прикусить язык. Словом, вы имеете одинаковое право со всеми делать и говорить все, что вы можете, но именно то, что вы можете, потому что слабейшего здесь припирают к стене, и в этом и есть равенство мичманской каюты. Ну-с, поняли вы это или нуждаетесь в практическом пояснении?

– Если так, то здесь не больше равенства, чем у дикарей, где сильный угнетает слабого, и единственный закон – право кулака – не больше, чем в любой школе на берегу.

– Подозреваю, что вы правы. Вы были в школе? Как там к вам относились?

– Так же, как вы собираетесь относиться здесь – там слабейшего припирали к стене.

– Ну, вот и намотайте это себе на ус, милейший, – сказал Вигорс.

Но в это время раздалась команда» убавить парусов!», положившая на время конец препирательству.

Мичманы поспешили наверх, кроме Джека, который не был еще приставлен к делу и потому остался внизу с Мести.

– Честное слово, масса Изи, я люблю вас всей душой, – сказал Мести, – клянусь Иисусом, вы очень хороший малый, масса Изи, а этот мистер Вигорс – терпеть не могу его, совсем не люблю его – и вы не полюбите, – продолжал негр, ощупывая мускулы на руке Джека. – Клянусь душою моего отца, я готов поставить за вас мое недельное жалованье. Не бойтесь его, масса Изи.

– Я не боюсь; – отвечал Джек, – я одолевал ребят посильнее его.

Это была правда. Мистер Бонникестль никогда не вмешивался в правильные поединки между учениками и не обращал внимания на фонари под глазами. Джек дрался очень часто, пока не сделался хорошим боксером, и хотя он был не так высок ростом, как Вигорс, но лучше сложен для боя.

Как только вахта кончилась, Вигорс, О'Коннор, Госсет и Гаскойн вернулись в каюту. Вигорс, который был сильнейшим в каюте, исключая Джолифа, толковал на палубе о наглости Изи и о своем намерении сократить ее. Поэтому остальные явились посмотреть на забаву.

– Ну, мистер Изи, – сказал Вигорс, входя в каюту, – вы, я вижу, намерены есть хлеб короля, ничего не делая.

– Вы очень обяжете меня, сэр, если займетесь своим делом, – возразил Джек.

– Скажите еще слово, нахал, и я задам вам трепку и выколочу из вас ваше равенство.

– В самом деле, – сказал Джек, которому положительно начинало казаться, что он вернулся в школу мистера Бонникестля, – посмотрим, кто кого.

После этого Джек преспокойно снял куртку и галстук, к большому удивлению мистера Вигорса, отнюдь не ожидавшего такой решимости, и к еще большему восхищению остальных мичманов, которые охотно бы пожертвовали свое недельное жалование, чтобы видеть Вигорса побитым. Вигорс чувствовал, что он зашел слишком далеко, чтобы отступить; поэтому он приготовился к бою; после чего все отправились в переднюю каюту, где было просторнее. Вигорс приобрел свой авторитет более наглостью, чем дракой; другие подчинились ему без достаточного испытания; напротив, Джек приобрел влияние в школе упорными боями; результат поэтому нетрудно было предвидеть. Менее чем через четверть часа Вигорс, потеряв три зуба и приобретя фонари под обоими глазами, сдался; тогда как Джек, умывшись, выглядел таким же свежим, как раньше, исключая нескольких незначительных ссадин.

Глава X

в которой наш герой доказывает, что на корабле все должны жертвовать приличием долгу

Успех всякого молодого человека в какой-либо профессии находится в большой зависимости от его первых шагов, по которым судят об его характере.

Решимость Джека, вступившего в бой с Вигорсом, едва оправившись от морской болезни, приобрела ему уважение многих и расположение всех, исключая его противника и мистера Смальсоля. В мичманской каюте его скоро полюбили за великодушный характер, а главное, потому что все находили в нем защиту от Вигорса, который никому не давал прохода.

Мистер Аспер по своим собственным соображениям сделался его приятелем; они прогуливались по палубе во время ночной вахты, и младший лейтенант терпеливо выслушивал философствование Джека. При этом он неумышленно оказал ему серьезную услугу, так как, делая вид, что соглашается с Джеком,

чтобы приобрести его расположение, предостерегал его и указывал случаи, в которых понятия Джека расходились с требованиями военного устава и могли навлечь на него беду.

Они входили в пролив, собираясь на следующий день бросить якорь в Гибралтаре, и Джек стоял на баке, беседуя с Мести, с которым был в большой дружбе, так как Мести готов был сделать решительно все для Джека, хотя он пробыл на корабле всего три недели. Впрочем, это было совершенно естественно.

Мести был важной особой на своей родине; он испытал все ужасы переезда на невольничьем корабле; его дважды продавали в рабство; он бежал, но убедился, что предубеждение против его цвета господствует всюду, и что получив свободу, он может занять лишь самую низкую должность на военном корабле. Он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь выражал чувства, бушевавшие теперь его душу, стремившуюся к свободе и равенству, – мы говорим «теперь», – потому что на родине, до своего плена, он не имел понятия о равенстве, как всякий, кто обладает властью. Но с тех пор он многому научился. О свободе и равенстве толковали и в Нью-Йорке, но он убедился, что там эти вещи признаются только для белых, тогда как он и тысячи его соотечественников остаются порабощенными и униженными.

Бегство в Англию доставило ему свободу, но не равенство; его цвет стоял поперек дороги, и чувства всего мира как будто стянулись против него, пока, к своему изумлению, он не встретил совершенно иного отношения со стороны Джека, который не только на словах проповедовал равенство, но и на практике не делал различия между ним и любым офицером. Мудрено ли, что Мести влюбился в молодого человека и всячески старался доказать ему свою привязанность. С своей стороны Джек полюбил негра и охотно разговаривал с ним по вечерам, когда они сходились на баке.

Разговор Джека с Мести был прерван голосом боцмана Бриггса, живого, подвижного, деятельного человека, бранившего юнгу.

– Уже десять минут, сэр, по моему репетитору, – говорил боцман, – как я послал за вами.

Мистер Бриггс вытащил из кармана серебряные часы величиной с норфолкскую репу. Он купил их у какого-то старьевщика; ему хотелось иметь репетитор, но он не знал, что это такое.

– Простые часы показывают только часы и минуты, а репетитор также секунды, – объяснил ему торговец.

Боцман поверил и купил, и хотя многие говорили ему, что эти часы вовсе не репетитор, он настаивал на своем.

– Да, – повторил он, – десять минут двадцать секунд по моему репетитору.

– С вашего позволения, сэр, – ответил юнга, – я переодевал штаны, когда вы меня позвали, оттого и не поспел вовремя.

– Молчать, сэр, когда вас зовет начальство, вы должны являться немедленно.

– Без штанов, сэр?

– Да, сэр, без штанов; если бы капитан потребовал меня, я бы явился без рубашки. Сначала долг, потом приличия.

Говоря это, боцман схватил юнгу за шиворот.

– Мистер Бриггс, – сказал Джек, – неужели вы будете наказывать мальчика за то, что он не явился без штанов.

– Да, мистер Изи, я намерен, я обязан дать ему урок. Мы должны именно теперь, когда на корабле распространяются превратные идеи, поддерживать достоинство службы; и распоряжения начальства не должны откладываться на десять минут двадцать секунд из-за того, что юнга снял штаны.

Сказав это, боцман отвесил юнге несколько ударов своей тростью.

– Вот, – сказал он, – это тебе урок, бездельник, да и вам, мистер Изи, – прибавил боцман, отходя с важным видом.

На другой день «Гарпия» бросила якорь в Гибралтаре. Случайно в этот вечер офицеры гарнизона давали бал. Наш капитан Уильсон разрешил тем, кто принял приглашение, остаться на берегу до семи часов утра, когда за ними должны были прислать две шлюпки.

Мистер Аспер получил отпуск и попросил отпустить с ним Джека, на что мистер Саубридж дал согласие. Многие другие офицеры тоже отправились; отпросился и боцман.

Аспер и Джек явились в гостиницу, пообедали, заказали постели, затем переоделись и отправились на бал. Бал был блестящий, Джек танцевал до двух часов ночи, затем они с Аспером заглянули еще раз в буфет и направились было в гостиницу, когда один из местных офицеров предложил им взглянуть на обезьяну, только что привезенную со скалы. Джек запасся пирожками и отправился во двор, где обезьяна была привязана подле небольшого бассейна. Когда он скормил ей все пирожки, обезьяна кинулась на него, и Джек, отступая, упал навзничь в бассейн, в котором было на два фута воды. Над приключением посмеялись, а затем, пожелав своему спутнику покойной ночи, наши приятели отправились в гостиницу.

Ввиду переполнения гостиницы хозяину пришлось поместить приезжих в номера с двумя-тремя кроватями. Джек попал в комнату с двумя кроватями, из которых одна была уже занята, как показывал раздававшийся из нее храп. Раздевшись, Джек подумал, что не мешало бы ему высушить промокшие панталоны, и с этой целью вывесил их из окна, притворив его так, чтобы они не могли свалиться; затем улегся в постель и заснул. В шесть часов его разбудили согласно его приказанию, отданному накануне. Он встал и начал было одеваться, но, к своему удивлению, нашел, что окно открыто, и панталоны исчезли. Очевидно, ночью кто-то открыл окно; они свалились на улицу, и какой-нибудь прохожий подобрал их. Джек выглянул в окно и убедился по следам на тротуаре, что тот, кто отворил окно, был нездоров. «Угостился же мой компаньон, – подумал он, – но что же теперь делать?» Думая это, он подошел к другой кровати и увидел, что она занята боцманом. «Ну, – подумал Джек, – если мистер Бриггс счел уместным потерять мои штаны, то, мне кажется, я вправе взять его, по крайней мере доехать в них до корабля. Не далее как вчера вечером он объявил, что приличие должно уступать долгу, и что приказание начальства надо исполнять в том виде, как оно вас застанет. Я знаю, что он должен явиться на корабль сегодня утром, пусть же попробует, приятно ли так являться к начальству». Размышляя таким образом, Джек натянул панталоны мистера Бриггса, который продолжал

храпеть, надел остальное платье и ушел из комнаты. Он зашел к Асперу, который уже оделся, уплатил по счету, – так как Аспер забыл свой кошелек, – а затем они отправились на пристань, где нашли уже часть офицеров, и отправились в одной из шлюпок на корвет. Тут Джек переменил панталоны и, не замеченный никем, бросил те, которые принадлежали мистеру Бриггсу, на стул в его каюте, а сам рассказал об этом приключении Мести, который пришел в восторг.

Перед уходом из гостиницы Джек сказал служителю, что боцман еще спит, и что необходимо разбудить его немедленно, что и было исполнено. Мистер Бриггс накануне сильно выпил, и, как правильно сообразил Джек, отворил ночью окно, почувствовав себя нездоровым. Когда его разбудили, он, видя, что уже поздно, заторопился одеваться. Не найдя панталон, он позвонил, думая, что их взяли почистить, и пока явился слуга, надел все остальное, чтоб не терять времени. Слуга заявил, что не брал панталон, и бедный мистер Бриггс оказался в самом критическом положении. Он не мог представить себе, куда они девались – так как совершенно не помнил, как улегся спать. Слуга сообщил только, что вчера он пришел сильно выпивши, а ночью, вероятно, отворял окно, так как утром оно оказалось открытым. Мистер Бриггс решил, что вероятно он сам же выбросил их за окно, находясь в подпитии. Время шло, он был в отчаянии.

– Нельзя ли достать какие-нибудь панталоны?

– Я спрошу хозяина.

Хозяин гостиницы прислал мистеру Бриггсу счет с просьбой уплатить по нему и оставить залог за панталоны, – иначе он не согласится доверить их. Мистер Бриггс хватился денег, и вспомнил, что они лежали у него в кармане панталон. Он не мог не только оставить залог, но и уплатить по счету. Хозяин был неумолим. Потеряв уже деньги, он не хотел терять еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Old Nick по-английски кличка дьявола

Купить: <https://telnovel.com/ru/frederik-marriet/michman-izi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)